

павел волчик

2

ДИЕТАРГИЯ

УСНУВШИЙ МИР

Павел Волчик

Летаргия 2. Уснувший мир

«Автор»

2022

Волчик П. В.

Летаргия 2. Уснувший мир / П. В. Волчик — «Автор», 2022

Человечество спит. Странные симптомы изматывающей усталости, которые люди проигнорировали, привели к всеобщей летаргии. Но уснули не все. По пустому Петербургу бродим мы – неспящие. Те, на кого фактор не повлиял. Мы видели, как наши близкие впали в оцепенение, как всеобщее раздражение и рассеянность сменились фатальным изнеможением. Мы видели лиловые всполохи в небе, предвещавшие беду. И кто ответит: почему остались именно мы? Фельдшер из маленького городка и художница из мегаполиса. Эксцентричный учёный и неопытная студентка. Оленевод с дальнего севера и монах из опустевшего монастыря. Бывший сомнолог, пенсионер и девочка с врождённой анальгезией. Мы начали искать причину катастрофы, но остались без ответов. В новом чуждом мире, наделённые необычными способностями, мы пытаемся выжить и отыскать друг друга. Но среди неспящих есть те, кто хочет нам помешать. Они охотятся на нас. Они не хотят, чтобы мир пробуждался от летаргии. В ваших руках вторая книга трилогии.

© Волчик П. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

От автора	5
1. Примерный семьянин (за неделю до всеобщего засыпания)	6
2. Спящая красавица (три недели после всеобщего засыпания)	13
3. Приглашение на завтрак	18
4. Одиночка	22
5. Безликое Ничто	29
6. Пятый терминал	39
7. Друг человека	44
8. Ловушка	52
9. Беглянка	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Павел Волчик

Летаргия 2. Уснувший мир

От автора

В ваших руках вторая книга цикла «Летаргия. Уснувший мир». Если вы не читали предыдущую часть, вам всё равно будет интересно. Но я бы посоветовал своим читателям быть последовательными. Это огромное удовольствие – пройти с персонажами весь путь с самого начала и увидеть, как они изменились.

Действия второй части разворачиваются в России в 2021–2022 гг. Когда я начинал писать книгу, рассчитывал, что история будет происходить в недалёком будущем. Однако, к моменту публикации произошло так много событий, изменивших мир, что мои герои перенеслись в параллельную реальность. Люди на Земле перестали восстанавливаться. Усталость изменила облик планеты, усыпила целые народы от мала до велика. Её действие нарастало постепенно, и мало кто успел заметить, что произошло, прежде всего, потому, что утомление сделало людей рассеянными и они перестали вообще что-либо замечать.

Однако уснули не все. Небольшие разрозненные группы «неспящих», всё ещё борются за свои жизни и пытаются отыскать причину феномена усталости. Они лишь примерно понимают, что происходит, у них нет чёткого плана спасения и ответа на вопрос: почему бодрствуют именно они?

Среди них нет ни одного человека, специально подготовленного к такой ситуации. Молодой фельдшер, художница, ветеран, девочка с врождённой анальгезией, владелец кофейни и парикмахер, доцент-эколог и его студентка, охотник с Крайнего Севера и монах – накануне катастрофы каждый из этих людей обнаружил в себе необычный дар. Добавим к ним дворнягу по кличке Клёпа – вот и вся компания.

Что же предпримут неспящие и как узнают о существовании друг друга?

Кто ещё не спит в огромном городе, кроме них?

Об этом читайте в новом томе трилогии «Летаргия».

Я благодарю за работу над первым чистовиком моего редактора – Наталью Воротягину. Благодаря ей эта история стала точнее и понятнее. Я бы правил вместе с Вами эту рукопись ещё и ещё. Но наступает момент, когда книга просится к людям.

Список главных героев

Логарифм (Ибрагим Беркутов) – учёный-эколог. Дар: воздействие на разум женщин.

Кира – его студентка. Дар: неизвестен.

Майя – художница и многодетная мать. Дар: перемещение собственного фантома в пространстве.

Остап – молодой фельдшер. Дар: исцеление наложением рук.

Нелли – девочка с анальгезией. Дар: сверхчувствительность.

Никанор Саблин – бывший военный лётчик, ветеран. Дар: левитация.

Отец Ануфрий – монах отдалённого северного монастыря. Дар: пророческие сны.

Тым – житель Крайнего Севера. Дар: понимание языков животных.

Роман Вешников – бывший сомнолог, бариста кофейни «Письма». Дар: неизвестен.

1. Примерный семьянин (за неделю до всеобщего засыпания)

Хлопнула дверь. Да так, что стёкла в подъезде чуть не вылетели. Дверь хлопнула 18 декабря 2021 года, в субботу, когда у Петра Колесова должен был наступить выходной день. Должен был, но так и не наступил. Доброго утра без кофе для него не существовало.

Толстые короткие пальцы распахнули воротник на рубашке, чуть не сорвав пуговицу, нервно пробежали по лоснящимся волосам. Ноги тем временем отбивали тяжёлую дробь по ступеням – бух-бух-бух. Колесов дышал часто, тяжело.

Всего лишь купить кофе! Единственное, о чём он её просил. Она принесла домой стиральный порошок и отбеливатель, освежитель воздуха и влажные салфетки, туалетную бумагу со смываемой втулкой (будь она трижды проклята), детям – развивающие раскраски и лабиринты, себе – пять разновидностей сладкого к чаю, а ему – кукиш с маслом и пену для бритья. Разве двадцати лет совместной жизни мало, чтобы запомнить такую мелочь – по выходным ему нужен кофе! Разве не он даёт ей деньги на покупки? Разве он много требует?

Купить пену для бритья, о которой он не просил, и забыть про кофе! На, пей! Наполни до краёв кружку мыльной пеной и посиди за газетой в субботу с утра. Вот спасибо!

Стайка голубей едва успела разлететься, когда он выскочил из дома. Последнему, самому неповоротливому сизокрылому, Пётр Колесов отвесил внушительный пинок. Голубь отреагировал как-то вяло и переданным ему ускорением не воспользовался.

Это немного охладило страдающего кофемана. Что-то птицы совсем разленились. Небось трескают бабушкину булку с утра до ночи.

На выходе с аллеи кто-то припарковал гигантский джип, прямо там, где ходят пешеходы.

Колесов выругался, обогнул препятствие, вымазав о фару пальто, и двинулся к подземному переходу. Здесь его ждало новое разочарование. По ступенькам навстречу ему поднимался худосочный юноша с сигаретой во рту.

Щёлкнула зажигалка, вспыхнул огонёк, и облачко дыма подействовало на Петра Колесова как тряпка на быка. Он взревел и одним точным резким движением выбил сигарету из губ удивлённого студента. Никотиновая палочка описала дугу и, рассыпая искры, врезалась в стену.

– В общественных местах не курят!

– Я... Вы зачем так? – лицо у парня исказилось, но вместо вспышки гнева на нём отразились обида и огорчение.

Колесов с досадой почесал подбородок, как и десять минут назад, когда он, накричав на жену, хлопнул дверью.

– Здесь ходят дети, – пробубнил он. – И астматики.

Бух-бух-бух – протопали ноги по ступеням. Не глядя на юношу, законопослушный гражданин свернул за угол. Встречные люди, заметив его, не связывались, расступались. Что-то было в его походке угрожающее, заметное даже издали.

Люди. Что-то с ними не так. Все какие-то жалкие, потрёпанные, как голуби из лужи. Физиономии неумытые, сонные. Под глазами – круги, во взглядах – пустота. Люди, все до одного сейчас раздражали Колесова. Прежде всего, потому, что он видел в них своё отражение.

Последние несколько месяцев на работе выдались сумасшедшими. Телефонные линии доставки еды взрывались звонками. Сначала он обрадовался, потому что получал процент с каждого заказа, но через неделю всерьёз задумался о том, почему люди перестали посещать супермаркеты и готовить себе пищу сами. Такого наплыва клиентов он не видел никогда. В

первую же пятницу руководитель отдела принял несколько заявлений об уходе по собственному желанию от доставщиков пиццы и операторов. Сложно представить, какой должна была быть первая неделя, если сразу после её окончания сотрудники решили уволиться. Как ни странно, заменять их стало некем. Обычная текучесть кадров превратилась в целую проблему.

Указательный палец страшно чесался на сгибе. Колесов остановился и тупо уставился на красное пятно ожога, оставленное чужой сигаретой.

«Что, чёрт побери, со мной происходит?!»

Он огляделся на сонно плывущий поток пешеходов, моргнул раз, другой.

Когда в последний раз он бросался на незнакомого человека, решившего закурить на улице? Ну хорошо, почти на улице... Никогда. Когда он устраивал скандал дома и кричал на жену? Случалось, конечно, но из-за такой ерунды, как чашка кофе...

Холодные капельки пота рассыпавшимся бисером покрыли его лоб. Колесов вытер лицо тыльной стороной руки. Ещё раз взглянул на ожог. Усталость, это всё она, проклятая. В голове – будто бой петухов, тело – ватное, в глазах – резь и туман.

Нужно будет взять отгул. Выспаться, начать принимать витамины. Но сначала кофе. Всего одна чашка. Или две, но как можно скорее.

Пик! Она провела сканером по штрихкоду. Пик! Банка с фасолью показалась ей тяжёлой, как гантель. Замороженные овощи в пакете, запотевшая пачка молока... Каждое движение рук и шеи вызывало неприятное покалывание в затылке, боль в локтях и первые признаки головокружения.

Пик! Проклятый звук. Семи лет работы на кассе должно быть достаточно, чтобы привыкнуть к нему, но она так и не привыкла. Пик!

– Карта магазина.

На столик легла морщинистая рука с пёстрым маникюром. Колец на пальцах было не меньше, чем свадебных замков на мосту влюблённых.

– Пакеты бесплатные?

– Нет. Пять рублей.

– А что вы мне так отвечаете?

Пик! Раиса Петровна промолчала. Если она чему и научилась, работая на кассах, так это не отвечать, когда клиенту приспичило поскандалить. Они приходят и уходят, таких, как *эта*, сегодня будет ещё тысяча. А у кассира смена не резиновая.

– Это ваша картошка?

– Моя, а что?

– Мне кажется, внутрь сетки случайно попала банка с икрой.

Раиса извлекла из картофельного плена дорогие консервы.

– Будете брать?

– Ещё чего, ваши сотрудники пихают в картошку чёрт знает что, а я должна переплачивать?

– Защитная пломба сорвана.

– А?

Кассир подняла глаза, увидела перед собой пожилую даму, кислое лицо которой, не могли украсить ни дорогие серьги, ни причудливая модная причёска, ни натуральные меха. Таких персон раскладчик товаров Копытин называл: «С печатью богатства».

«Ну почему? – подумала Раиса, отводя взгляд от неприятного лица. – Почему чаще всего воруют те, у которых уже всё есть?»

– Картой или наличными?

– Картой.

Терминал выдал ошибку.

«Только не сейчас, – кассир задержала дыхание и закрыла глаза. – Пожалуйста, только не с ней».

– Карта не читается.

– Что значит «не читается»?

Раиса Петровна не знала, что это значит. Весь последний месяц банки работали плохо, постоянно случались сбои. Да что там банки, с десятков кассиров уволили за финансовые ошибки.

Вот и теперь образовалась толпа, покупатели недовольно загудели. Кассир набрала воздуха в грудь:

– Оплата на третьей кассе только наличными.

– Опять, Раиса? – послышалось с соседней кассы.

– Опять.

У недовольной дамы наличные, к счастью, нашлись. Но очередь приняла новость без энтузиазма, кто-то особенно вредный даже присвистнул и зааплодировал.

Раиса оглядела своё рабочее место: нет ли где сладких пятен, мучной пыли, ровно ли лежат приборы, хорошо ли открывается денежный ящик. Вид удаляющейся причёски дамы «с печатью богатства» – белого грозового облака – вызвал у неё желание убраться. Раиса вдруг начала выстраивать из предметов вокруг себя крохотную икебану. Чистота и порядок – единственное, что помогало ей снять напряжение и не спятить от ежедневного дыхания мирового хаоса. В её доме и автомобиле даже паучок не смог бы отыскать пылинки. Даже паучок? Да ему там попросту неоткуда взяться! Будь у Раисы больше времени, она бы не ограничилась рабочим местом и вошла бы в царство супермаркета, машинально расставляя по полкам товары в строгой последовательности, протирая тряпочкой консервы и стеклянные бутылки, поднимая упавшие пачки с йогуртом, комкая пакетики из отдела фруктов, которые неряхи-посетители бросают в ящики. Ах, какое это счастье – наводить чистоту...

Но пять секунд уборки закончились быстро. Перед Раисой появилось красное лицо запыхавшегося крупного мужчины в измазанном грязью пальто и расстёгнутой рубашке. Из-под ворота выбивались дремучие джунгли, левый глаз истерически моргал, не предвещая ничего хорошего.

– Почему в гигантском супермаркете не найти ни одной пачки кофе? – он бухнул на ленту двухлитровую бутылку колы.

Пик!

– Ещё что-нибудь?

– Я задал вопрос! Или мне позвать администратора?!

Раиса Петровна нервно поёрзала в кресле.

– Вы разве не смотрите новости? Кофе исчез из всех магазинов. Уже неделю как...

– Что? А энергетические напитки, куда вы их дели?

– Послушайте, в таком тоне...

– Ну и придурки ваши раскладчики, если забыли выложить ходовой товар. Или просто отдел доставки сдох?

– Товары по акции?

– Не заговаривайте мне зубы. Жалобную книгу и директора магазина сюда!

– Альфа-самец вышел на прогулку, – послышался скрипучий голос за спиной Колесова.

Кофеман развернулся, и Раиса увидела невысокого господина с острыми глазками и саркастической ухмылкой. Она так и назвала его мысленно – «господин», потому что шутник носил закрученные усики и бородку в стиле конца девятнадцатого – начала двадцатого века.

– А? – бухнул Колесов, раздувая ноздри.

Усач сложил губы бантиком.

– Обижают на работе, не понимают дома. Бедный маленький диктатор! В супермаркете ты сразу попадаешь в своё царство: напуганные вежливые кассирши и продавцы, кланяются тебе в ноги, расстилают перед тобой пальмовые ветви.

– Что?

Колесов был на голову выше насмешника и вдвое шире.

– Жалобную книгу ему, немедленно! – провозгласил коротышка. – Человек не выпил кофе!

– Не надо, – шепнула Раиса, – Вы сделаете только хуже.

Но на здоровяка уже глядели с соседних касс, вся выстроившаяся очередь за спиной нервно подёргивалась. Колесов вжал голову в плечи.

– Должен вас расстроить, – отчеканил усач, колким взглядом впиваясь в красное лицо грубияна. – Кроме кофе, совсем скоро с прилавков исчезнет алкоголь, а затем один за другим самые востребованные продукты. Прежде всего, те из них, что помогают бороться с усталостью.

– Вы серьёзно? – любопытствовал какой-то паренёк из толпы.

– Я учёный-эколог, – приосанился народный оратор. – Если вам это о чём-нибудь говорит. Я изучаю не только то, как выброшенная вами пластиковая бутылка плывёт по реке в Мировой океан к одному из мусорных островов. Я знаю, где, как и для чего производится большая часть того, что мы называем продовольствием.

– Но почему же молчат власти? – воскликнул тот же обеспокоенный голос.

– Боятся волнений. Кризиса. Продуктового бунта.

Толпа загудела, зашевелилась. Несколько парочек рвануло обратно к прилавкам.

– Упс, – сказал учёный. – Кажется, я разворошил осиный улей.

Он смерил холодным взглядом Колесова, застывшего с открытым ртом.

– Так и будете стоять здесь или заплатите за сладкую водичку с газами? Говорят, её изобрёл один скучающий аптекарь.

Колесов молча протянул карту. Раиса сжала губы, сдерживая улыбку.

– Мы принимаем только наличные.

– Вы не предупреждали.

– Три минуты назад.

Он врезал кулаком по прилавку.

– Директора.

– Пройдите на соседнюю кассу.

– Сейчас я, мать вашу, устрою соседнюю кассу, – процедил Мистер Зло. – По этому телефону можно вызвать начальство?

Он потянул руку к кнопчному аппарату, стоящему возле кассы, но его пальцы, так и не достигнув цели, замерли на полпути. Глаза Раисы расширились, когда она увидела, что в японский сад её рабочего пространства вторглась грязная грубая лапища. Что-то лопнуло в милой приветливой кассирше, и тогда случилось то, что позднее назовут «кратким скачком напряжения». Лампы моргнули и погасли, покупатели, а также сотрудники магазина, включая охрану, замерли, как будто сговорились поучаствовать в забавном флешмобе. Но всё происходящее уж точно не выглядело смешно. Какая-то старушка не успела сжать пальцы на пачке риса, и пакет упал и, лопнув, брызнул крупой. Накачанный мужчина с татуировкой на предплечье и залезанными волосами молча ткнул носом в холодную витрину с заморозкой. У девушки, держащей за руку своего парня, из носа потекла струйка крови, пересекла замершую улыбку и капнула на пол. Мальчик, лет пяти, стоял возле стойки с киндер-сюрпризами, но глядел сквозь них. Его глаза, два стеклянных шарика, абсолютно ничего не выражали. Впрочем, после того, как моргнули лампы, во взгляде *всех* присутствующих исчезли признаки разума и сознания.

Пётр Колесов так и остался стоять с вытянутой рукой, как будто изображал рачка-бок-плава в детской игре «Море волнуется – раз!».

Его глаза тоже потухли, тонкая ниточка слюны протянулась от угла рта до воротника. И только лицо Раисы за кассой двигалось и жило. Выщипанные брови то поднимались, рисуя на лбу кривые подковы, то хмурились. Верхняя губа дёргалась, обнажая сжатые зубы. Глаза лихорадочно блестели и, не отрываясь, глядели на обидчика. На щеках и шее проступили сеточки тонких сосудов странного фиолетового оттенка. Челюсти разомкнулись, и из горла вылетели звуки, непохожие на человеческий голос. Скорее они напоминали какофонию инструментов, настраивающихся перед концертом.

Стрелка часов ещё не успела отсчитать и двадцати секунд, а на безразличном лице кофемана, так и не опустившего руку, наметились едва заметные перемены. На лбу заблестел пот, глаза чуть расширились, а зрачки сузились до крохотных точек. Пунцовое лицо побледнело, волосы на голове самым жутким образом поднялись.

Вид у него был такой, словно кто-то только что вторгся в святая святых – его сознание, его мысли – и устраивает там обыск, переворачивая всё вверх дном.

Часы тикали, люди стояли на свои местах, как восковые фигуры в музее мадам Тюссо.

Челюсть у Колесова отвалилась, рот широко раскрылся. Раиса скосила глаза на охранника, замершего неподалёку. Прodelала с ним ту же неведомую процедуру, после чего лицо пожилого человека стало походить на лицо умалишённого.

Прикусив губу, кассирша впилась глазами в усатого коротышку, назвавшего себя экологом. Тут что-то пошло не так, потому что учёный не раскрыл рта, не задрожал от первобытного ужаса, но громко и чётко, не отрывая глаз от глаз Раисы проговорил:

– Нет!

Она нервно дёрнулась, капризно сжала губы. Перевела взгляд на Колесова. Эколог медленно, словно под действием чудовищной гравитации, шагнул к ней. Здоровенный кофеман быстро развернулся, схватил эколога ручищей за горло, приподнял над землёй. Учёный захрипел, вцепился в предплечье противника, но своих глаз от глаз Раисы не оторвал.

– Не надо...

Она задрожала сильнее, замотала головой, схватилась за волосы и вскрикнула.

Магазин, как по щелчку, ожил. Кто-то уронил пакет молока, кто-то рассыпал по полу томаты. Качнулся ребёнок и, забыв, что шёл к шоколадным яйцам с игрушкой, завертел головой в поисках мамы. Девушка провела рукой у себя под носом и удивлённо уставилась на кровь на пальцах.

Никто ещё не успел ничего понять, а Раиса одним мгновенным прыжком перепрыгнула через кассу, приземлилась на четыре конечности и, скрежетнув ногтями о плитку, рванула к двери.

Очередь, столпившаяся у кассы, безмолвно уставилась на двух мужчин, один из которых, рослый, в рубашке и пальто, душил другого – маленького, со смешными усами.

Лицо учёного уже приобрело цвет розовых помидоров, он попытался лягнуть детину в живот, а тот с удивлением уставился на собственную руку, будто она ему не принадлежала.

Никто не вмешивался, потому что вид у борющихся противников не походил на мелкую стычку в супермаркете. Было очевидно: сейчас кто-то умрёт, быстро, но не без мучений. И этот кто-то – весёлый усач, который, кажется, ляпнул что-то лишнее здоровяку у кассы. Кстати, а куда делась кассир – никто не видел?

Две фигуры появились за спиной кофемана неожиданно, словно ниоткуда. Большой, тяжёлый предмет обрушился на его череп, и мужчина рухнул на пол, увлекая за собой учёного-эколога. Так закончился неудачный выходной день Петра Колесова, примерного семьянина – а всего-то человек хотел выпить кофе.

Усач засипел, с облегчением вдохнул воздух, услышал над собой голоса:

– Это нехорошо, Тым. Колошматить людей чемоданом по голове входит у тебя в привычку.

– Что делать? Слишком много развелась дикая людь. Зачем он схватил бедного коротышка за шея? Зачем душил его как ребёнка?

– Сам ты коротышка, – прохрипел усач. – У меня рост метр шестьдесят. Вполне себе средний для городского жителя... – Он закашлялся, сплюнул на пол, скептически оглядел окруживших его покупателей. – Ну что вылупились? Берите всё, что есть на полках, и идите домой. Если повезёт и на следующей неделе вы не впадёте в спячку, продукты вам понадобятся, скоро их совсем перестанут завозить.

– Коротышка знает что-то про спячку? – спросил тот, кто огрел чемоданом по голове здоровяка.

Усач сел, внимательно посмотрел на говорившего – коренастого азиата в шерстяном свитере с оленями, перевёл взгляд на его спутника, неожиданно оказавшегося монахом в чёрной дорожной сутане.

– В жизни не видел более странной пары.

– Мы сами каждый раз удивляемся, – признался монах. – Но так сложилось. Меня зовут Ануфрий, а моего спутника Тымнэвакат. Если проще – Тым. Кажется, вам придётся составить нам компанию. Вы ведь Ибрагим Беркутов, учёный-эколог?

– Он самый.

– Мы заходили к вам сегодня утром, но вас не оказалось дома. Вот мы и заглянули в соседний супермаркет. Так, чтобы продуктов купить. Никак не ожидали, что встретим вас сразу у касс. Нас послал к вам ваш друг – Роман Вешников. Он сомнолог. Бывший сомнолог.

– Час от часу не легче. Не знаю такого.

Учёный потрогал рукой горло, проверил, торчат ли в разные стороны кончики усов.

– А он вас знает. Вешников сейчас работает бариста в кофейне «Письма».

– А, этот... Что ему нужно?

– Думаю, это лучше обсудить прямо у него. Это касается...

– Чего?

– Спасения мира.

– Хм.

Ибрагим тяжело поднялся с пола.

– То, что произошло с этой женщиной за кассой... Вам ещё встречались *такие*?

– Встречались-встречались, – закивал Тымнэвакат. – И как вам удалось её остановить?

– Мне?

Учёный не успел объяснить. В дальнем конце магазина раздался визг, потом что-то с треском упало. За третьим прилавком загудел хор беспокойных голосов, мужчина призывал всех срочно вызвать скорую. Через минуту покупатели, будто сговорившись, хлынули к выходам, толкаясь, ругаясь и лепеча что-то от страха. Впрочем, многие из них не забыли прихватить с полок товары. Кассирам не удалось сдержать этот натиск.

Ибрагим закрыл голову, чтобы его не растоптали. Тым оттащил его за ворот куртки в сторону.

– Что происходит?

– Что и везде. Людь везде засыпают. Людь очень устал.

И действительно, словно в какой-то нелепой комедии, пожилой охранник, даже не пытавшийся остановить несущийся поток людей, широко зевнул, опёрся на стенку и сполз вниз.

За соседней кассой женщина с рыжей шевелюрой уронила голову на грудь. Засыпали и покупатели прямо на ходу. Некоторых из них, уже со стеклянными глазами, ещё несла толпа. Другие, найдя хоть какое-нибудь пространство, пригодное для сна, ложились, садились и тут же отправлялись в царство Морфея.

- Что за хрень? – поинтересовался учёный-эколог, нахмурившись.
- Монах наклонился к самому лицу Ибрагима.
- А вам не хочется спать?
- После того как мне исполнилось тридцать восемь, почти всё время.
- И всё-таки вы в состоянии себя контролировать. Любопытно. Кажется, у нас собирается клуб по интересам.
- Он протянул учёному руку и помог встать на ноги.
- Держимся вместе!
- Они дружно двинулись к выходу, толпа подхватила их и понесла.

2. Спящая красавица (три недели после всеобщего засыпания)

– Уех-х-х! – издало горло жалкий хлюпающий звук. Из глаз брызнули слёзы. В тумане, уже не лиловом, а белом, замаячила прозрачная мокрая трубка, которую держали мужские руки. Исчезло липкое облако, она вдохнула жадно, много.

– Майя, вы меня слышите?

Перед ней появилось молодое небритое лицо с пронизательными зелёными глазами.

– Не говорите пока ничего. Просто кивните.

Она закрыла глаза. Лицо на секунду исчезло, и снова появились его руки. Они бережно, почти по-женски, убрали с её бровей мешавшую прядь волос, взбили подушку.

– У вас красивые волосы, Майя. Наверное, вам об этом часто говорят.

«А у тебя красивые руки, кем бы ты ни был», – подумала художница.

Она нахмурилась, пытаясь вспомнить, откуда она так хорошо знает эти руки, этот голос. Ничего не вышло.

– Вам неудобно? Что-то болит?

– Где я? – услышала она свой страшный ржавый голос.

– В больнице. В центре Петербурга.

Она окинула взглядом просторную палату, увидела пустые койки.

– Дайте...

«...Воды», – хотела договорить она, а он уже поил её из бутылки, приподняв голову.

– День... Число?

– Сегодня двенадцатое января.

– Год?

Молодой человек приятно улыбнулся:

– Вы не так долго пробыли в коме. Две тысячи двадцать второй.

– Я помню двадцать первый.

– Сейчас середина января.

Она напрягла слух. Что-то слишком тихо для больницы. Ни шагов, ни голосов людей. И почему такая тишина, если окно приоткрыто?

– Майя, мне нужно вам о многом рассказать. Но я лучше начну постепенно...

Художница только сейчас поняла, что её смущало: на молодом человеке не было белого халата.

– Кто вы?

– Я... Меня зовут Остап.

– Вы врач?

– Ещё нет. Вернее, я фельдшер. Но я учусь и...

Щёки у него вспыхнули. Хоть рисуй портрет – юноша с красными яблоками. Майя улыбнулась бы, если б не удушающий страх, подступивший к горлу.

– Что со мной? Мне... мне...

– Вам нужно кое-что знать. Мир сильно изменился, пока вы спали. Возможно, вы мне сначала не поверите, но когда сможете сами подойти к окну...

Его голос. Где она его уже слышала? Вокзал, поезд. Какой ещё вокзал и поезд?

– Что со мной случилось?

– С вами, хм, я не знаю. В карточке написано, что вы попали в аварию на машине. Там же я узнал ваше имя.

– Где мои дети?

– Майя, послушайте, я сам здесь недавно, я ничего не знаю!

Она глубоко вдохнула, попробовала пригладить непослушные кудри, но руки, вытянутые на одеяле вдоль тела, едва сдвинулись.

– Простите. Я будто с того света вернулась, – её голос прозвучал немного увереннее. – Так вы новенький? Недавно в этой больнице?

– Да, то есть не совсем так. Майя, понимаете, когда мы приехали сюда, в пустой город, с Нелли и Бэллой... У них странные имена, и они обе довольно эксцентричные особы. Позже я вас познакомлю... В общем, я решил обойти несколько больниц и вы, хм, вы оказались единственной выжившей, точнее не спящей. Понимаете?

Майя закрыла глаза, помотала головой.

– Вы не впали в снопоподобное состояние, как все остальные. Вы просто находились в поверхностной коме. Хотя я понял это не сразу, просто случайно взглянул на показания приборов. Тогда я решил, что вас можно и нужно спасти, нужен только стимул... Вы... Вы ничего не поняли, да?

– Ничегошеньки. Не знаю о ваших врачебных способностях, но объяснять – точно не ваш талант.

– Так, – Остап сложил ладони домиком, зачем-то подышал в них. – Так. Начнём сначала. Видимо, вы всё же отключились гораздо раньше, чем я предполагал. То есть вы хотите сказать, что не помните Великой Всеобщей Отключки? Ну хоть момент, когда в магазинах кончился кофе и все ходили, как сомнамбулы, вы застали?

– Это я помню. Сколько помню себя.

– Нет, Майя. – Он поднялся, заходил туда-сюда по палате. – Нет-нет-нет, такое не бывает «всё время». Я немного расскажу вам о том, что произошло. В какой-то момент весь род людской перестал восстанавливаться. И случилось это несколько месяцев назад. Почётный труженик больше не просыпался утром свежим и отдохнувшим. И почётный лентяй тоже. Первая волна усталости коснулась детей, сделала их чувствительными, капризными сверх всякой нормы. Вы это заметили, ведь у вас есть дети?

Художница заколебалась, наморщила красивый лобик.

– Кажется, я что-то припоминаю. Мне нужно было на выставку. Близнецы и дочка, они приболели, когда я от них уезжала. Врач сказал, это просто переутомление. Я оставила их с бабушкой и уехала. Мне нужно было уехать всего на несколько часов. Понимаете?

– Не беспокойтесь, прошу вас. Дети спали?

– Да, кажется.

– Это ещё ничего не значит. Следующая волна смела тех, кто находился на грани нервного истощения: школьников, играющих по ночам в компьютер, студентов, готовящихся к экзаменам, рабочих, тянувших две смены, родителей грудных детей...

– Смела? В каком смысле смела?

– Они какое-то время боролись, что только усиливало эффект. Однажды каждый из них дошёл до точки невозврата. Состояния, когда мозг предпочёл всякой деятельности режим срочной экономии заряда. Спячка, гибернация... У этого состояния несколько названий. Майя...

Он сел на кровать, ненароком коснулся её руки.

– Там, за окном, шестимиллионный город, и он молчит. Может быть, только человек десять не спит. А может, и того меньше. – Остап робко убрал руку. – Вы мне не верите, да?

Майя подняла и сразу же опустила тяжёлую голову, закрыла глаза.

– Верю.

– Вот так, просто?

– Не просто. Я видела всё это во сне. Видела людей, которые обсуждают гибель мира, сидя в закрытом кафе. Видела опустевшие квартиры и бесконечные пробки на выездах и въездах в город. Во всех этих местах я находилась реально, как здесь и сейчас. И хотите верьте, хотите нет, но я совсем не уверена, что меня сейчас не утащит куда-нибудь в новое место. Единственное...

Она запнулась.

– Что?

– Люди, которых я видела, не замечали и не слышали меня.

Молодой фельдшер молчал. Не перебивал, не вставлял замечания, как будто то, о чём она говорила, не бредни сумасшедшей, а самый обычный факт.

Майя задержала взгляд на его серьёзном лице.

– Я даже видела то, что вызывает спячку.

Остап подскочил, чуть не своротил стойку с капельницей.

– Как вы сказали?

– ...То, что вызывает спячку.

– Вы сказали это так, будто это что-то живое.

– Потому что *оно живое*.

– Бактерия, вирус? – он выпучил глаза. – Но я исключил инфекцию...

Майя помотала головой, задвигала губами так, словно пробовала незнакомое блюдо на вкус:

– Оно ни на что не похоже. Самое отвратительное и прекрасное, что я видела. Оно парит над Землёй, среди звёзд. И я не знаю, чего оно хочет.

Остап выдохнул, медленно кивнул:

– Я знал, что фактор следует искать снаружи, а не внутри.

Майя почувствовала, как кружится голова, тяжелеют веки.

– Не понимаю.

– Спячка, или гибернация, всегда запускается в ответ на изменения окружающей среды. Замедляется сердцебиение и дыхание, медленнее расходуются питательные вещества, падает температура тела.

– Вы точно говорите про людей, а не про бурых мишек? – Майя невинно улыбнулась.

– Состояние спячки контролируется генами, которые есть у всех млекопитающих, включая человека. Просто мы давно нарушили естественные ритмы нашего тела. Ещё до изобретения электрической лампочки люди спали по шестнадцать часов... – Остап сбился. – Простите, я начал читать лекцию.

– Нет-нет, продолжайте. Весь мир спит. Я не могу пошевелиться.

– Да, простите.

Он быстро подошёл и начал делать то, что Майя никак не ожидала – мять её стопу. Пальцы у него были на удивление сильные. Приятное тепло разлилось от кончиков пальцев к щиколотке. Майя хотела поинтересоваться, что это он такое делает, но боялась, что процесс прервётся.

– Вам потребуется время, чтобы мышцы восстановились. Придётся заново учиться есть ложкой и ходить, но мы справимся.

– Мы?

– Я, хм, имел в виду, что вы не первый коматозник, которого я выхаживаю. – Остап виновато поглядел на неё. – Извините, что назвал вас так. Это медицинский жаргон и мне...

– Да перестаньте вы извиняться. У меня страшно зудит большой палец. Уф! Спасибо.

Какое-то время она кусала губы, чтобы не застонать, то ли от боли, то ли от удовольствия.

– Сколько же я лежала?

– Долго. Гораздо дольше, чем я предполагал. Признаюсь, это сбило меня с толку.

– Что – это?

– Состояние вашего тела. Ни пролежней, ни атрофии мышц.

Майя вскинула бровь, под её взглядом Остап кашлянул и отвёл глаза.

– Мне правда пришлось поддерживать его функции.

– Значит, вам пришлось? – она улыбнулась. – Надеюсь, все эти разговоры о конце света не выдумка.

Она думала, что он смутится ещё больше, но молодой человек вдруг рассмеялся, искренне и просто. Майю обезоружил этот смех и ещё больше выражение глаз, которое последовало за улыбкой – боль, призрак, воспоминание на ещё юном лице. Ей вдруг захотелось взять его за руку, утешить, сказать, что какое бы прошлое ни преследовало его, смеяться можно. Можно...

Перед глазами Майи всплыло лицо мужа. Его усталые глаза, отражающие экран смартфона. Когда она перестала любоваться его лицом? Когда привыкла к тому, что он на неё не смотрит? Она вздрогнула. Ей вспомнился эпизод из того длинного сна, где она скакала из места в место, пока не очутилась в полутёмном офисе с ожившими мертвецами, среди которых был Глеб.

– Вам страшно? Вы дрожите.

– Моя семья. Что, если они тоже уснули?

– Скорее всего, так оно и есть.

– Ну спасибо.

Майя всё-таки сумела оторвать от постели руку, провела по лицу. Ладонь казалась свинцовой.

– Я не могу ничего вам сказать точно, – ответил Остап. – Но очень многие потеряли близких. Вы должны быть готовы.

– Готова? – вспыхнула она. – Ну уж нет. Я хочу знать, где мои родные!

– Майя, волнение...

– Где остальные люди? Кто-нибудь ещё есть в этой больнице! – закричала она и услышала, как эхо разнеслось по пустым коридорам.

Действительно, никого.

Молодой человек поднялся.

– Мне пока лучше уйти. Ненадолго.

Она поглядела на него, отвела глаза.

– Если это спячка. И все люди в ней. Что... Что они чувствуют?

Остап вздохнул:

– Ничего.

– Они страдают?

– Страдают? Я не знаю. Разве что от того, что не могут проснуться по собственной воле.

Майя сделала попытку приподняться на локтях. Почувствовала, как трясутся руки.

– Тысячи людей лежат вокруг нас, умирают, и никто не может им помочь?

– Только мы, – сказал Остап. – Но помочь всем не в наших силах.

– Не в наших силах... – она плюхнулась на подушку, её колотило.

– Самая уродливая смерть для человечества. Превратиться в медуз, выброшенных на берег, медленно умирать в постели, не в состоянии пошевелиться, в луже собственного дерьма.

Остап кашлянул.

– Что?!

– В состоянии спячки млекопитающие не испражняются, – пояснил он.

– Вы меня утешили. Но не очень. Знаете, у меня трое маленьких детей. И я не хочу отдыхать здесь, прохлаждаться и ждать, пока они спят где-нибудь в машине на зимней трассе.

– У вас... трое детей? – удивился Остап.

– Да. А что?

– Вы... чудесно выглядите.

– Для многодетной матери?

Он нахмурился, его голос вдруг стал серьёзным и строгим.

– Вам нужно ещё немного отдохнуть, Майя. Всем нам сейчас не стоит шутить с собственным телом. Наш предел выносливости крайне мал. Поспите, обдумайте всё, и я попытаюсь как можно быстрее поставить вас на ноги.

Она открыла было рот, но он её опередил:

– Назовите имена детей. И места, где они могут быть. Я попробую что-нибудь разузнать.

Майя кивнула. Рассказала всё, что знала. Назвала домашний адрес, хотя и не верила, что там кого-то найдут, адрес матери и свекрови. Вспомнила трассу и придорожное кафе, которое видела во сне, но ни номера шоссе, ни бензоколонки назвать не сумела.

Он закрыл жалюзи.

– Отдыхайте.

У самой двери художница его окликнула:

– Вы вернётесь?

– Вернусь. Знаете, на свете осталось не так уж много людей, чтобы обращаться к кому-то на «вы».

Она прислушалась к гробовому молчанию гигантского железобетонного некрополя.

– Не бросай меня одну. Хорошо?

– Хорошо. Я скоро вернусь, Майя. Не бойся.

3. Приглашение на завтрак

Остап вошёл через главный вход отеля «Рэдисон Роял» прямо с Невского проспекта. К счастью, он не знал, как раньше было тесно и шумно на тротуаре центральной улицы Петербурга, поэтому тишина как на улице, так и внутри здания его не смутила.

Эту гостиницу они выбрали неслучайно: она находилась в шаговой доступности от больницы. Попадались отели поменьше и поближе, но заходить в них почему-то не хотелось.

Когда они после долгого, утомительного пути въехали в город, Бэлла настаивала на том, чтобы остановиться в «Плазе». Но Нелли наотрез отказалась и пожурила свою попутчицу, дескать, нечего шиковать, когда вокруг мировое горе.

– Когда же мне ещё выпадет шанс бесплатно пожить в люксе? – ухмыльнулась Бэлла. – Только пока все спят.

– Мы будем брать только то, что крайне необходимо, – посуровел Остап. – Когда люди проснутся, они должны найти вещи на своих местах.

– А ты правда хочешь, чтобы все они проснулись? – Бэлла ехидно вскинула разукрашенную бровь.

Фельдшер замолчал.

– Он хочет, чтобы проснулась лишь *она*, – захлопала ресницами Нелли. – Весь остальной город пусть спит.

– Не говори ерунды, – буркнул Остап. – Если я увидел человека, которого можно вытащить. Почему бы этого не сделать?

– И этот человек – рыжеволосая Спящая красавица, которая отблагодарит своего спасителя сразу же, как проснётся.

– Полегче, девочка, – Бэлла хмыкнула. – В нашей компании троллю только я.

– Почему ты не оживишь какую-нибудь старушку? – не унималась Нелли. – Почему её?

– Сам не знаю, – признался Остап. – Мне кажется, если мы поможем ей, она поможет нам. Странно, что твоё предчувствие на этот раз тебя подводит.

Девочка фыркнула.

Так и было. Попав в город, Остап отправился в ближайшую больницу, чтобы найти приборы, необходимые ему для исследования. Бодрствующих он встретить не рассчитывал. Слишком многое увидел по пути в город, чтобы понять – их почти не осталось.

Но то, что он нашёл в палатах, не шло ни в какое сравнение с тем, что он видел прежде. Несмотря на то что большая часть пациентов и сотрудников, как и все остальные горожане, попытались покинуть мегаполис, многие койки всё ещё были заняты. Здоровые или больные, спящие или мёртвые – все они выглядели одинаково в своём безмолвии. Иногда в самых странных местах: в подсобках, в столовых, на кушетках в кабинетах – Остап находил своих коллег врачей. Сон одолел их прямо на рабочих местах. Возможно, закрывая глаза, чтобы вздремнуть минут на пять, они и не догадывались, что могут их больше не открыть никогда.

В больнице не работало паровое отопление, но электричество по какой-то неизвестной причине сохранилось. Из некоторых палат Остапу приходилось выбегать, зажимая нос пальцами, в другие он заставлял себя заходить ещё и потому, что искал оборудование, которое поможет ответить на главный вопрос: сколько ещё проспят уснувшие или, вернее, как долго выдержат их тела спячку?

Как он и предполагал, обмен веществ у них замедлился, но первые признаки истощения уже появлялись.

Тщательно исследовав два первых этажа, Остап поднялся на третий и просто не смог пройти мимо одной из палат.

Девушка, лежавшая на кровати, выглядела так, будто уснула только вчера. Её кудрявые волосы рассыпались по подушке, из губ вылетали крохотные облачка пара.

Когда Остап обнаружил, что у неё лёгкая кома, он укрыл её тёплым одеялом и пошёл в ближайший магазин бытовой техники. Пару кварталов он вёз на тележке обогреватели. Потом установил их под окнами – и в палате стало теплей.

С тех пор он каждый день приходил проверять её состояние, вводил витамины, питательные вещества и лекарства. В перерывах он читал об уходе за больными в коме. Несколько раз оставался ночевать прямо в палате, опасаясь, что она проснётся одна. Сегодня утром Майя задышала глубже и неожиданно пришла в себя.

Остап прошёл по пустому холлу гостиницы. Бросил взгляд на разбросанные вещи в комнате ожидания с длинными кожаными диванами. Вся компания решила расположиться прямо тут. Никому не хотелось подниматься выше и заходить в номера, никто не желал первым наткнуться там на жуткие сюрпризы.

У барной стойки кто-то звенел посудой. Остап устроился на высоком крутящемся стуле. Присвистнул.

Девочка за стойкой, с перекинутым через плечо полотенцем, обернулась не сразу, сначала критически взглянула на чистоту бокала в руках.

– Играешь в бармена? – спросил Остап.

– А что мне ещё остаётся? В фильмах они так ловко крутят эти бутылки в руках, – ответила Нелли.

Остап перегнулся через стойку, увидел на полу осколки.

– Вижу, ты тренировалась.

– Да... На пустых бутылках, – зевнула Нелли. – Бэлла сказала, что если я разобью хотя бы одну бутылку с алкоголем, она меня прихлопнет.

– Теперь вино и коньяк найти так же сложно, как свежую еду. А наша Бэлла – большой ценитель того и другого. Кстати, где она?

– На экскурсии.

– Снова?

– Да. Нашла в книжном новый путеводитель и рыщет по Петербургу.

– А ты почему не с ней?

– Надоело. Хочешь выпить?

– Ты, надеюсь, не прикладывалась?

– А что, мне нельзя? Нет восемнадцати? Закон запрещает? Нет больше людей и нет законов.

Остап поёрзал на стуле.

– Где-то я это уже слышал.

– Не бойся. У меня опять обострилось обоняние. Я только понюхала содержимое одной из бутылок и сразу её закупорила. А тебе налить виски?

– Ты что, пытаешься меня сегодня сподручить?

– Нет, просто я хочу попробовать пустить по стойке стакан, как в вестерне. Так, чтобы ты поймал его рукой.

– Честно говоря, – Остап потянулся, – есть что праздновать.

– Да? – встрепенулась Нелли. – Ну-ка выкладывай.

– Спящая красавица проснулась.

– Вот как! – Девочка быстро открутила пробку, налила полную стопку.

– Нелли, я не буду играть в...

Стопка проехала по стойке, не расплескав ни капельки. Остап схватил рукой воздух, послышался звон бьющегося стекла.

– Нелли, – нахмурился Остап. – Давай не будем крушить чужое. Люди ещё могут проснуться.

– Ещё могут? – повторила она равнодушно. – Ну, как только ты придумаешь, как их разбудить, я сразу перестану. Так что там с твоей зазнобой?

– Что? Перестань так её называть!

– Ладно-ладно, пойдём к ней. Поговорим, узнаем, что она помнит. Может, в этом городе станет чуточку веселее.

– Ничего она не помнит. И сейчас она спит.

Нелли сложила руки под подбородком и пролепетала:

– Неужели она тебе ни словечка не сказала? Даже «спасибо»?

– Сказала. Она не знает, где сейчас её дети.

– Дети? – Девочка аж подскочила на месте. – И сколько их у неё?

– Трое, – мрачно бросил Остап.

Нелли расхохоталась, чуть не свалилась за стойку, едва успела вцепиться пальцами за край, подтянулась и снесла локтем ещё один стакан.

– Бармен из тебя никудышный.

– А из тебя ухажёр.

– Ты начинаешь доставать!

– Знаешь, – Нелли отвернулась, – если я тебя достала, нечего было спасать меня из того вагона. Оставил бы умирать вместе с остальными.

Остап раскрыл рот, но за его спиной внезапно раздался низкий женский голос:

– Ну вот, опять. Стоит вас оставить одних, пёсики, и на тебе – семейная драма.

– Говорил я тебе, Бэлла. Зря ты даёшь девочке читать свои любовные романы.

– А где мне искать читателей? Весь город дрыхнет. Ты не моя аудитория. И вообще, кто-нибудь мне объяснит, почему так приятно пахнет спиртом, а на полу осколки?

– Все вопросы к ней, – сдал юного бармена Остап.

– Кажется, кисонька, тебе лучше поиграть в портье.

– Я и с этой ролью неплохо справляюсь. Сделать тебе маргариту?

– Сделать... Что? Откуда ты этого набралась?

– Книга рецептов. Нашла под стойкой.

– О, ну ясно.

– Мир без людей быстро учит самостоятельности.

Бэлла и Остап переглянулись. Фельдшер поднял брови.

– Я тут привезла замороженных вкусностей, – сменила тему Бэлла. – Кто у нас сегодня дежурит на кухне?

Нелли ткнула пальцем в Остапа:

– Он!

– Я, хм, у меня сегодня не получится.

– Ну началось! Давайте и в новом мире поставим женщину у плиты...

– Бэлла, подожди, – Остап примирительно улыбнулся. – Есть новости. В нашем полку прибыло.

– Неужели? – ухмыльнулась Бэлла и кивнула бокалу с маргаритой, который ей ловко подсунула девочка. – И давно она проснулась?

– Пару часов назад. Она ещё слаба и спит. Но это уже другой сон. Обычный.

– Обычный сон, – протянула Бэлла. – Я уже напрочь забыла, что это такое.

– Впервые слышу, чтобы ты на это жаловалась, – раскатисто проговорила девочка, засовывая в рот зубочистку.

– Что это у тебя с голосом?

– Ну так обычно говорят бармены.

– А... ясно, – Бэлла повернулась к Остапу. – Ты удивишься, но у нас есть кое-кто ещё.

– Кое-кто?! – взвизгнула Нелли.

– Потихонечко, цыплёночек, – поморщилась Бэлла. – Твои перепады настроения начинают меня бесить. – Она расчесала пригоршней разноцветные волосы, высморкалась в салфетку и только тогда рассказала: – Это старик. Такой древний, как фасады в этом городе. Я нашла его случайно в одной из кофеен. Он сказал, что ждал кого-то живого, но, кажется, был немного ошарашен, когда увидел меня.

– Это нормальная реакция на встречу с тобой, Бэль.

Она потрепала Остапа за щеку:

– Но именно поэтому вам так хорошо со мной, признайся, золотко!

– Это правда.

Нелли запрыгнула на стойку, свесила ноги:

– Почему старик не спит, как остальные?

– Тот же вопрос он задал и мне.

– Он тоже странный, как и мы? У него есть какой-нибудь дар?

– Я пока не знаю. Он позвал нас на завтрак на будущей неделе. Учитывая тот факт, что в следующий раз кто-то незнакомый может пригласить нас на завтрак через сто-двести лет, я предлагаю не пропускать эту встречу.

– Поддерживаю, – подняла руку Нелли.

– Я, – Остап вздохнул, – буду смотреть по ситуации.

– Мы понимаем, – Бэлла заговорщически подмигнула девочке. – Понимаем и не торопим.

– Бэлла, – Остап достал из кармана мятую бумажку. – Есть ещё кое-что, что мы должны выяснить. Это имена её детей, домашний адрес. Заедешь?

– Без проблем. Вот только допью маргариту.

– Бэль!

– А что? Вы где-то видели дорожную полицию?

4. Одиночка

Клёпа подняла голову и наострила уши. Она прикусила зубами поводок и чуть дёрнула – хозяин проснулся от лёгкого дневного сна, заставшего его прямо в кресле.

Никанор вскинул голову и смешно выпучил глаза, оглядывая заброшенную кофейню.

– Что, девочка? У нас гости?

Собака походкой, больше напоминавшей утиную, чем собачью, потопала к выходу. Короткий поводок натянулся и остановил её в каких-нибудь трёх шагах от двери. Клёпа обернулась и с укором посмотрела на старика. Хорошо бы ему научиться доверять её чутью, а не валять каждый раз дурака, гадая, кто там за дверью.

– Они... Мы их ждём? – голос человека задрожал. Клёпа ощутила тревожный запах, исходивший от хозяина. В последнее время она часто его чувствовала.

Клёпа приветливо завиляла хвостом, чтобы немного подбодрить старика. Звонко тявкнула и закрутилась на месте.

Саблин тяжело сглотнул, прикрыл глаза. Его пальцы, вцепившиеся в трость, разжались, оставив вмятины ногтей на замотанной изоляцией ручке.

– Свои, говоришь?..

Клёпа радостно залаяла, как молотком по жести. Старик поморщился. Он ещё не знал, что к дверям подходила девочка, настоящая живая девочка, которая будет играть с Клёпой, и чесать ей живот, и делать разные другие приятные вещи, которые умеют делать собакам только дети. Лёгкие шаги девочки сопровождали тяжёлые – женщины, пахнущей духами и алкоголем. Возможно, женщине Клёпа тоже понравится и тогда кто-нибудь из них наконец-то выпустит её погулять, ведь они не выходили на улицу уже несколько дней из-за тревожного запаха хозяина. Он опасался тех существ на улице, что прячутся за мутными стёклами и ходят в тени домов. Да-да, хозяин правильно делал, что боялся их, Клёпа тоже скулила и пряталась под стол, когда кто-нибудь из существ подходил слишком близко к кофейне и таранился фиолетовыми невидящими глазами сквозь витрину. Но ей так хотелось побегать по рыхлому снегу и поймать пастью снежинку, что никакие чудовища не могли её остановить.

Саблин повернул замок, и сразу же тренькнул колокольчик у входа. Девочка двенадцати-тринадцати лет уставилась на старика, будто на ожившего птеродактиля. Никанор Степанович тоже глядел на девочку ошалело: то ли никогда не видел подростков, то ли принял её за привидение.

– Поздоровайся, Нелли, – прогремел голос с улицы, – ты ведь ещё не вконец одичала.

– При... Доброе утро.

На порог ввалилась Бэлла, смахивая с разноцветных волос пушистый снег:

– Как спалось?

– Закрывайте двери, – сухо ответил старик, глядя ей за плечо.

Бэлла пожала плечами и достала из-за пазухи пакет с чем-то хрустящим, белым. Клёпа подпрыгнула так высоко для своих лет, что все ахнули.

– Собачка! – Нелли бросилась к лохматой тумбочке на ножках.

Та решила не притворяться недотрогой – сразу свалилась на спину и подставила живот. Девочка опустила пальцы в жёсткую шерсть.

– Ах ты, пройдоха, – улыбнулся старик, глядя на Клёпу, и тут же снова тревожно огляделся. – Где врач? Вы сказали, приведёте врача.

Бэлла отряхнула куртку, повесила её на вешалку.

– Он немного занят, но сегодня вы познакомитесь.

– Сегодня? Он зайдёт позже?

– Нет. Мы все вместе отправимся к нему. Кроме вас, мы нашли ещё одну выжившую девушку...

– Нет-нет, – замотал головой старик. – Никуда я не поеду. Это исключено. Слишком опасно.

– Слишком? О! Я думаю, ветерану войны к опасностям не привыкать.

Он недобро поглядел на неё, пробрался к своему креслу и уселся в него.

– Мне девяносто с хвостиком, девушка. Доживи до моего, и узнаешь, про что говорю.

– В нынешних обстоятельствах, – потёрла подбородок Бэлла, – вряд ли доживу.

Старик хмуро кивнул:

– Кой-какая еда и напитки вон там, у стойки.

– Спасибо, мы сыты. Так зачем вам нужен врач?

Он поёрзал на месте.

– Кипятком обварился.

Бэлла оглядела его руки, не заметила ни покраснения, ни ожогов – сощурила глаза:

– Вы хотели поговорить о чём-то важном.

– Ну конечно, хотел. Должен поговорить.

– Должны?

– Ага. Но больно уж вы чудные.

– Неужели? Моя причёска не нравится?

Саблин критически посмотрел на пёструю шевелюру Бэллы, скривил рот:

– Я не об этом. Носи хоть перья на голове, девушка, мне-то что. Всё равно людей не осталось, пугать некого.

– Тогда в чём проблема, дедуля? – Бэлла развалилась в кресле напротив, сверкнула глазами.

Саблин ухмыльнулся.

– А проблема в том, что до вас здесь уже были такие вот павлины. Кто – с усами торчком, кто – узкоглазый, кто – с крестом на груди. Кот учёный, студентка и чукча с монахом. Вот такая команда для спасения Родины! Анекдот. Таких чудных отродясь не видел!

– А как же мы? – подняла голову Нелли. Клёпа всё ещё лежала у её ног, не шелохнувшись, блаженно щуря глаза.

– Ага, – кивнул Никанор Степанович, – те тоже любили поострить. Одного из них, того, что с усами, я в этой кофейне частенько видел. Паршивец редкостный! Надо ж было из всего населения именно ему выжить. Несправедливо получается.

– Справедливости больше нет, – тихо проговорила Бэлла. – Как и широкого разнообразия плохих и хороших людей. Какие остались, с такими нам и якшаться.

Но Саблин её как будто не слушал.

– Вот у вас какая профессия? – он направил узловатый палец на собеседницу.

– Парикмахер-стилист, – с ходу ответила Бэлла. – А по призванию я писатель.

Старик скрипуче засмеялся:

– Вот тебе на! Ещё один спаситель нарисовался.

– А вам, часом, не нужно подрезать космы? – спросила она, глядя на давно не чёсанные волосы и жиденькую седую бородку Саблина.

– Как-нибудь сам справлюсь, – проворчал Никанор Степанович.

Бэлла огляделась:

– Кажется, вы давно не выходили отсюда. Запасы еды и воды рано или поздно закончатся.

– Не ваша забота.

Парикмахер и писатель в одном лице поднялась.

– Пойдём Нелли, нам тут не рады. Не люблю проверок на вшивость. Я ведь не собака.

Клёпа подняла голову и жалобно заскулила, когда Нелли перестала её почёсывать.

– Стойте, – глухо проговорил старик. – Я не передал тайное послание.

– Тайное? – встрепенулась девочка.

– Проживём как-нибудь без него, – сказала Бэлла, обняв её. – Найдутся более достойные. Они пошли к выходу, за спиной послышалось сопение. Старик громко кашлянул.

– Лады. Вы правы. Выбирать не из кого. Мне велено передать послание выжившим. Никого, кроме вас, покуда не объявилось.

– А как же те, ну из анекдота?

– От них и есть послание, девочка. От них.

Он подошёл к стулу, через который был перекинут плащ, напоминавший гигантскую газету. Покопался во внутреннем кармане. Выудил небольшой тёмный предмет.

– Я пришёл сюда на запах еды и свет в окнах. Кроме меня и пары подростков, разъезжающих по городу на угнанной пожарной машине, да ещё бритого кретина на джипе, желавшего меня убить, мне никто не встретился. Люди, сидящие тут, посреди вымершего города и правда смотрелись карикатурно – тайная вечеря с персонажами из анекдота... Ну да это и неважно. Кто остался, тот остался. Они тут обсуждали судьбу мира и, видимо, размышлялись, потому как решили, что им нужно идти его спасать.

Старик поднёс диктофон к самому носу:

– Где же тут...

Нажал кнопку. Из динамика послышался голос:

«Привет всем. Говорит Ибрагим Беркутов. Эколог, учёный-энтузиаст и просто замечательный человек. Если вы слышите эту запись, значит, вы не спите. Если спите, то, скорее всего, вы её не слышите...»

– Шут гороховый... – буркнул Никанор.

«...Перейдём сразу к делу. Нас мало, и мы хотим выяснить, что стало с Землёй. На данный момент в нашей команде пять человек, если не считать супругу нашего обожаемого сомнолога-бариста, который никак не пожелал с ней расставаться и возит повсюду, как мягкую игрушку. Она, к сожалению, спит, как и большая часть планеты. Если вы не спите, не нюхаете клей, не убиваете младенцев (а у нас их всё равно нет) и не мечтаете уничтожить всё живое, присоединяйтесь к нашей команде. У нас пока, как, наверное, и у вас, совершенно нет цели, и мы не знаем, с чего начать. Но, – голос на записи перестал быть насмешливым, – у нас есть некоторые новые способности, которых не было до начала эпохи Вымирания. В остальном мы только жалкие дилетанты. Мы ждём вас, умных, бодрых, талантливых. Вас и ваши блестящие идеи».

Из динамика послышалось шуршание, чей-то бубнёж.

«Заткнись, Вешников. Моя речь не похожа на приглашение на шоу. Если такой умный, записывай сам».

Шуршание усилилось. Но вместо Вешникова заговорил женский голос:

«Говорит Кира. Я... просто студентка. Вернее, была ей. Мои родители, они тоже в спячке, как, возможно, и ваши близкие. Если вам не наплевать, если вы хотите вернуть их, у нас ещё есть время. Вместе у нас больше шансов найти выход. Если вы это слышите. Мы будем ждать вас до конца января в аэропорту „Пулково-1“ с часу дня до семи вечера в центральном зале».

Запись оборвалась.

– В аэропорту? – повторила Нелли. – Почему именно там?

– Они собрались на юг, – ответил старик, – к морю. Там, по их версии, легче будет переносить усталость, если ничего нельзя будет сделать со спящими.

– Глупости, – заявила Бэлла. – Я только вернулась оттуда. Спячка коснулась всех, ну или почти всех.

– Я им сказал то же. Но они меня не послушали. Лучше действовать, – сказал этот усатый, чем торчать в полумёртвом городе.

– Стоп, – подняла руки Нелли. – Как они собрались туда лететь? Ведь все рейсы отменены.

– Среди них есть пилот. То ли монах, то ли чукча. Не помню, кто из них.

– Действительно, напоминает анекдот, – сказала Бэлла, но не улыбнулась, потрогала колечко в носу, задумчиво поглядела на ветерана. – А вы почему с ними не поехали? Неужели решили поиграть в отшельника?

Никанор поёрзал на месте.

– Я уже стар для путешествий. В этом городе родился, в нём и помру.

– Обязательно, – пообещала Бэлла. – Но тот факт, что в Северной столице вы один из выживших счастливицков, не достаточно прозрачный намёк?

Старик, засуетился, взял со стола грязную тарелку, понёс к раковине.

– Это моё дело. И моя жизнь.

– Спасибо за новость, – Бэлла поднялась.

Он скривился, глянул на неё недобро через плечо.

– Нет, правда. Вы свою миссию выполнили, – Бэлла примирительно подняла руки. – Теперь мы сможем отыскать других людей.

– Удачи, – хмыкнул он. – В спасении мира.

Клёпа, заметив, что гости собираются уходить, жалобно заскулила и пошла на военную хитрость: легла на пол, закрыла лапами нос и глянула из-под лохматых бровей.

– Пока, собачка, – пискнула Нелли и потрепала Клёпу по голове.

Старик подошёл, подал девочке курточку.

– Вы не боитесь? – Нелли коснулась пуховика, подняла глаза.

Уголок рта у Никанора непроизвольно дёрнулся.

– Чего именно?

– Одиночества. Я жуть как боюсь оставаться одна.

– Я уже много лет один. Привык, – хмыкнул он.

– А их? Их вы не боитесь? – девочка кивнула в сторону окна.

– Их? – повторил старик и слотнул. Клёпа подняла голову, наострила уши. – В пустом городе всюду мерещатся привидения. Но я в них не верю.

– Это не привидения, – пробормотала Бэлла. – Хотя лучше бы это были они.

– Пугаете? – усмехнулся ветеран. – Я на своём веку всякого насмотрелся.

– А как же «новые способности», о которых толковал ваш знакомый учёный?

Старик умолк.

Бэлла цокнула языком:

– Даже не расскажете? Я уже больше месяца обхожусь без сна, а эта девочка слышит шаги, вибрацию и запах пищи за пять километров от себя. К слову, она раньше даже уколов не чувствовала. У неё была врождённая анестезия¹. Вы ведь тоже не остались без подарка от Деда Мороза?

– Не остался. Но вам это знать ни к чему.

– Вот как? Ну что ж, наверное, это что-то действительно нужное для выживания, раз одинокий старик не желает помощи.

Она быстро накинула разноцветную куртку.

Клёпа лупила хвостом по дверному косяку – гулять, гулять! Дверь перед её носом открылась, впусив порцию морозного воздуха и несколько снежинок, и тут же захлопнулась.

Собака подняла несчастные глаза на хозяина. Он на неё не смотрел. Его дрожащие пальцы никак не могли вставить болт на цепочке в щель на замке. Клёпа заскулила, поскребла лапой дверь.

¹ Анальгезия – врождённая нечувствительность к боли. – Прим. ред.

Старик засопел, опустил руки. Цепочка звякнула и обвисла.

– Хочешь прогуляться, девочка? Мне тоже надоело сидеть в четырёх стенах. Подожди, только посуду помою.

Он постоял у раковины, доставая из груды посуды тарелку за тарелкой и подставляя под струю воды, руки быстро замёрзли, а потом кран издал хлюпающие звуки и из него только капнуло пару капель. Старик поковырялся в нём пальцем, как будто это могло помочь, крикнул и вытер о полотенце мыльные руки.

Клёпа звонко твякнула, подняла голову.

Он обернулся, посмотрел на плащ, перекинутый через спинку стула.

– Теперь тебе даже поводок не нужен, правда? Сейчас-сейчас...

Клёпа скрипуче зевнула, усердно заболтала хвостом. Хозяин шагнул к плащу, и в этот миг в глубине кофейни за дверью в складское помещение что-то звякнуло.

Собака прижала уши, низко зарычала.

– Ничего такого, – прошептал Никанор. – Не бойся. Просто мышь или крыса. Ничего такого.

Тух-тух. Два мягких шажка, и тишина. Волосы у старика на руках поднялись дыбом. Он поглядел на собаку – собака на него. С невиданной для хромого человека скоростью доковылял он до плаща и трости, вернулся к выходу, замер.

На него кто-то смотрел в упор. Буравил спину полумёртвым взглядом. Не со стороны улицы, а изнутри кофейни. Кто-то, кто только что вошёл через чёрный вход, так тихо, что даже не скрипнула дверь.

Старик медленно поднял руку и с благодарностью, почти с нежностью коснулся замка, на который не сумел накинуть цепочку полминуты назад, потянул на себя ручку. Дверь отворилась тяжело и долго – так, что даже не звякнул колокольчик, только язычок глухо стукнулся о медь.

Тух-тух-тух – зашуршали жуткие шажки за спиной. В проём скользнула Клёпа, за ней протиснулся Никанор, как осьминог, вылезаящий из щели в пещере.

Холодный порыв уличного ветра осыпал его снежной манной, и белые хлопья тут же растаяли на горячем лице. Дверь захлопнулась, щёлкнул замок.

Никанор Степанович стоял, прижавшись спиной к узкой перемычке между витриной и дверью. Уговаривал себя повернуться – и не мог. Чувствовал: тот, кто прятался за его спиной, стоит у окна. На запястье блеснули командирские часы. Старик чуть согнул руку – в зеркальном кружочке отразилась непогашенная лампа, мелькнули разноцветные корешки книг на полке, стул в вязаном чехле, бледное лицо с сеточкой лиловых вен.

Он вздрогнул, уронил руку, закрыл глаза. Кто оно? Чего хочет? Зачем пробралось в кофейню? И главное, почему тут же не напало на него?

Улица завертелась перед глазами, к горлу подступил комок. Пальцы онемели, никак не могли нащупать трость. Сначала он решил, что это от страха, потом ощутил чудовищную слабость, как будто он целый день трудился у станка. Силы таяли, кружились в водовороте и утекали в сливное отверстие – чёрную дыру, поглощались существом за стеклянной витриной. Хрусть! Подогнулись колени.

Горячий мокрый язык лизал щёки и лоб. Пахло псиной. Никанор поднял тяжёлую голову, разлепил веки, отстранил от себя Клёпу, которая никак не унималась. Стёр с циферблата налипший снег и снова поглядел в отражение на циферблате. Край радиаторной батареи, корзинка с искусственными цветами, полка с книгами – лица он не увидел, набрался смелости и осторожно выглянул из-за стены.

В уютном свете кофейни фигура жуткого существа ничем не отличалась от человеческой. Если бы не сиявшие лиловым флуоресцентным светом ниточки вен на шее и лице, Никанор Степанович принял бы незваную гостью за женщину пятидесяти лет. Да это и была женщина,

в костюме кассира из супермаркета, только двигалась она как-то странно – то порывисто, то плавно, – как марионетка. Лицо её почти ничего не выражало, глаза поблёскивали, вращаясь в орбитах, искали что-то на столе.

Как бы между прочим жуткая особа раскладывала разбросанные вещи, оставленные стариком в каком-то своём, шизофренически чётком порядке. Наткнувшись на небольшой тёмный предмет, она неумело потыкала по кнопкам, и из недр кофейни донёлся приглушённый голос:

«Привет всем. Говорит Ибрагим Беркутов. Эколог, учёный-энтузиаст и просто замечательный человек...»

Клёпа истерично залаяла. Старик шикнул на собаку, сжался. Существо в костюме кассира дёрнулось, выпучило глаза, бросилось к чёрному ходу.

Никанор заковылял прочь от проклятой кофейни. Метель усилилась, снег прилип к бровям и бороде.

– Идёшь? – сердито крикнул он собаке. – Из-за тебя чуть...

Он обернулся. Псина стояла посреди тротуара, перетаптывалась, скулила.

– Пошли, дурная ты башка!

Жаль, поводок не взял.

– Клёпа! А ну! – рассердился он. Собака подбежала, прижалась к его ноге, будто грелась.

– Так-то.

Он торопливо зашагал к Фонтанке, мучаясь оттого, что не знал, куда именно выводит чёрный ход. Клёпа путалась под ногами, мешала идти. Он взял её на руки, она прижалась, зарылась ему в подмышку.

– Ну всё-всё, старушка. Подумаешь, встретили нечисть. Бывает, всё бывает.

Из снежной пелены выплыли гранитные башенки Ломоносовского моста. Ледяная корка на реке быстро белела.

– Домой, домой, старушка.

Он шёл, щуря глаза от летящего снега, отбивая тростью быстрый ритм. Мимо проплыла первая башенка, скрипнула толстая цепь.

Никанор остановился, взгляделся в метель. Что-то качнулось, шагнуло на мост, слабо вспыхнуло лиловым. Неясная мужская фигура в деловом костюме по-паучьи села на корточки, замерла.

Клёпа глухо зарычала, оскалила зубы и нервно облизалась. Старик шагнул назад, оглянулся и задрожал.

С другой стороны моста появилась незнакомка из кофейни. Только на этот раз ни стекла, ни стены между ними не было.

Паук прыгнул не по-человечьи легко, приземлился на гранитный парапет. Его подружка, или кем она была, ограничилась несколькими дёргаными движениями. Сеточки сосудов на их коже засветились ярче.

Никанор снова ощутил слабость.

– Ну-ну, – прошептал он и крепче сжал Клёпу. – Мы тоже кой-чему учились.

Он закрыл глаза, постарался вспомнить, как это было в первый раз: возмущение, жар, лёгкость, воздух.

– Тяф, – прокомментировала собака.

Старик приоткрыл глаза и увидел, что его подошвы парят на локоть от земли.

– Тяф, – как метроном отсчитывала Клёпа.

Нелюди приближались.

– Ну давай, давай!

Он увидел искажённое лицо паука в деловом костюме. Без труда прочитал выражение на этом лице: животный голод, жажда, отупение. Никанор уже видел такие лица во время войны.

Тем временем его тело поднялось на пару метров от земли. Паук выкинул руку, схватил его за ботинок, лязгнув челюстями. Никанор пнул нелюдя промеж глаз, но не попал, почувствовал, как подошва скользнула по липким волосам. В правую икру вцепились крепкие пальцы. Башенки на мосту затеяли весёлый хоровод, снег закрутился в бешеном смерче.

Клёпа истошно лаяла, вырывалась из рук. Старик крикнул, дёрнул ногой. Паук не удержался, полетел вниз, сжимая в руке сорванный ботинок.

Подниматься стало легче. Кассирша с фиолетовым лицом прыгнула вверх, но промахнулась.

– Не балуй, – погрозил Никанор кулаком. – Саблина голыми руками не возьмёшь!

Женщина поднялась, заученным неосознанным движением отряхнула колени и униформу от снега, подняла к небу безразличное лицо, пустые лиловые глаза. Из её открытого рта полились нечеловеческие звуки – какофония расстроенных музыкальных инструментов. Паук открыл рот и начал ей подпевать, если это вообще можно было назвать песней.

Старик уже достиг вершины одной из башенок, закрыл уши.

– Пшли вон! – крикнул он нелюдям.

Они не послушались, заголосили громче. Тело, которое казалось ему лёгким и воздушным, налилось свинцом, потянуло его обратно к земле.

– Что это? Нет-нет...

Белое полотно под ногами, усеянное следами, полетело ему навстречу. Снег немного смягчил удар – не так уж плохо, что его давно никто не убирал.

Клёпа зафыркала, отряхнулась. Шерсть у неё на загривке поднялась, верхняя губа обнажилась, сверкнули клыки. Между поверженным хозяином и его врагами стояла только она.

Опасные существа пахли слюной с горьким ядом и кровью. Звуки, которые они издавали терзали собачий слух. Клёпа то подвывала, то рычала, то снова выла. Нелюди перестали петь, двинулись к ним. Старик застонал, поднял гудящую голову.

Два золотых луча разрезали снежную пелену. Машина заревела, въехала на мост, разбрызгивая полуметровыми колёсами снег. Раскрылась дверца, пёстрая фигура выскочила наружу, прицелилась. Синяя звезда вырвалась из трубки, отскочила от гранитного парапета, рассыпала сноп искр, полетевших в паука и его подругу.

– В машину, – рявкнул знакомый голос.

Никанор проворно встал, опираясь на трость. Шагнул и завалился набок, корчась от боли. В ногу, на которую он ступил, будто ткнули спицей.

Из салона выскочила девочка. Попробовала его поднять.

– Бэлла, я не могу!

– Вот чёрт... – прорычала водительница, вставила в пистолет ещё одну сигнальную ракету и, почти не целясь, выстрелила. Звезда, на этот раз красная, с треском и дымом врезалась в середину моста. Нелюди отскочили, попятнулись, отворачиваясь от яркого света.

Никанор собрал последние силы, подполз к машине, зацепился руками за дверь, подтянулся. Девочка старательно толкала его сзади. Клёпа, воспользовавшись хозяином как мостом, пробежала по ногам и спине, юркнула в салон. Нелли запрыгнула следом.

– Трогай... – прохрипел старик.

Джип заревел, помчался по мосту. Два существа мелькнули и растворились в снежных хлопьях.

Машина пролетела по пустой улице, резко развернулась на перекрёстке.

Когда все, включая Клёпу, отдышались, Бэлла посмотрела в зеркало заднего вида на острый профиль лежащего старика и мрачно бросила:

– Всё ещё хочешь побыть в одиночестве, дедуля?

5. Безликое Ничто

Логарифм вошёл в полутёмный зал ожидания, освещённый только окнами дневного света, и по привычке взглянул на вокзальные часы. Стрелки давно остановились на половине двенадцатого.

– Пора, – он хлопнул в ладоши и услышал, как хлопок многократно вернулся эхом.

Кира подняла на него сонные глаза, завернулась в плед, такой же рыжий, как и её волосы, и подобрала ноги на сиденье. Тымнэвакат, пытавшийся достать орешки из автомата, стукнул по панели кулаком. Монах вообще никак не отреагировал, так и остался стоять у ларька с прессой. Перед ним на круглом столике были разложены стопками последние выпуски газет и журналов. Он аккуратно подчёркивал маркером отрывки, в которых упоминалось о сонной болезни и событиях последних месяцев.

Учёный-эколог прочистил горло.

– Не люблю повторять... – начал он.

– Мы никуда не поедем, пока не дождёмся остальных, – в десятый раз повторила Кира.

– Мы ждали достаточно. Предлагаю не терять времени и садиться на борт.

– Не может быть, чтобы в городе, кроме нас, не осталось никого, кто не спит.

– Может. Кто-то вроде старика с собакой.

– И всё-таки мы подождём, – мягко сказал монах, продолжая искать что-то в тексте.

– Я думал, к моему мнению здесь прислушиваются. Разве не вы сами сказали, что я должен вас вести?

– Как только вы будете знать, куда вести, – потёрла лицо Кира.

– Разве отправиться на курорт, когда всех сморило от усталости плохая идея?

Монах отложил в сторону «Ведомости», взял «Аргументы и факты» и сказал:

– Самолёты не летают в обе стороны. Кажется, на последнем прилетели мы с Тымом.

Значит, на юге произошло то же, что и на севере.

– Что ты ищешь в этих газетках? – спросил Логарифм, подходя к автомату и наклоняя его, чтобы с полки упали орешки. Тым, по локоть засунувший руку в приёмник, облизнулся и выудил пакетик со снеками.

– Правду.

– Правду? Никогда не думал, что её можно найти в прессе.

– Я пытаюсь увидеть общую картину. Почему люди вовремя не заметили трагедии?

Почему не смогли её предотвратить?

– Странный вопрос для священника. На всё воля Божья.

– И всё-таки. Как я и думал, катастрофу не заметили, потому что она растянулась во времени, а не произошла в один миг. Взять те же самолёты. Если бы все пилоты уснули разом, часть самолётов тут же разбилась бы. Другие летели бы на автопилоте до тех пор, пока не выработали бы всё топливо. Скоро и они упали бы на землю, и мы бы увидели весьма необычный дождь из падающих самолётов. Но население Земли не отключилось одновременно, пока одни пилоты чувствовали себя разбитыми, другие всё ещё работали в полную силу, а третьи позёвывали в кулак. Самолёты падали и в последнее время всё чаще, пока работоспособных пилотов не осталось вовсе и рейсы не отменили.

– Вам знать лучше, отец Ануфрий, вы ведь бывший пилот.

– Потому-то меня и удивляет, что диспетчеры не начали бить тревогу.

Логарифм пожал плечами, отсыпал орешков, закинул в рот. Тым грустно поболтал опустевшим пакетиком.

– Возможно, диспетчеры тоже были не в форме, – заметил учёный.

– Когда люди устают, они становятся такие неуклюжие, такие глупые! – нахмурил брови Тымнэвакат. – Усталые люди падают, бьются головой, пропускают всё мимо глаз и ух.

– Ушей! – Кира поднялась, поправила зелёную шерстяную юбку, которую только сегодня утром облюбовала в местном бутике и взяла, конечно, ни копейки не заплатив.

Встав в полный рост, она оказалась выше окружающих её мужчин – даже Ануфрия, который без труда дотягивался до грузовой полки в поезде. Она по привычке втянула голову в плечи и сказала, насупившись:

– Я не устаю. То есть со мной ничего подобного не случилось. Я чувствую себя так же, как чувствовала раньше. Вполне сносно, – добавила она. – И всё-таки я не понимаю, что произошло. Где же тот фактор, о котором вы столько твердили? Из-за чего мир уснул?

Логарифм сжал губы, разгладил загнутые усы, засопел.

– Именно поэтому мы и ждём других людей, – вздохнула Кира. – Возможно, кто-то знает ответ.

– Ну хорошо...

Усач взял из выключенного холодильника бутылку минералки.

– Сыграем?

Он бросил бутылку монаху. Тот в последнюю секунду поднял глаза и даже не попробовал увернуться. Бутылка отскочила от его тощей груди, шмякнулась об стол и упала на пол.

– Это шутка такая? – поморщился отец Ануфрий и потёр уши.

– Теперь Тым, – рявкнул Логарифм и резко бросил следующую бутылку.

Реакция у Тымнэваката была получше, но и он не поймал «кеглю». Смешно замахал руками, будто учился жонглировать, уронил минералку себе на ногу, поморщился.

– Вы с ума сошли? – Кира выпучила глаза.

Учёный не ответил, хитрым броском из-за спины бросил бутылку с лимонадом и ей.

Кира просто отошла в сторону.

В эту секунду в зал вошёл Роман Вешников, держа чашечку дымящегося кофе одной рукой и блюдечко другой.

– Ещё один игрок! – воскликнул Логарифм и швырнул в него банкой с холодным чаем – последним, что оставалось в выключенном холодильнике.

Жестянка описала дугу, врезалась в круглый животик сомнолога, отпружинила и закатилась под сиденье. Ни капли кофе из чашки в его руках не пролилось.

– Развлекаетесь? – отозвался он, равнодушно глядя вслед исчезнувшей банке и делая глоток кофе.

– Проводим эксперимент, – ответил Ибрагим Беркутов. – Никто из вас четверых не поймал летящий предмет. Трое даже не попытались этого сделать. Ухудшение реакции – первый признак утомления. Это значит, чудодейственный фактор икс действует и на нас, одиночек, которые ещё бодрствуют.

– Я ничего такого не заметила, – проворчала Кира. – Когда в тебя швыряются бутылками, кто угодно опешит.

– Ты не в счёт, – подмигнул Логарифм. – Твой дар и есть – не уставать.

– Говорю же, – нахмурилась бывшая студентка. – Как себя раньше чувствовала, так и сейчас.

– Охотно верю, – кивнул Логарифм, – но «сейчас» стало другим. Оно не такое, как «раньше». И на фоне вымотанного человечества ты выглядишь как единственная цветная фотография среди чёрно-белых.

– Ибрагим Петрович, неужели я слышу комплимент?

– Ничего подобного. Я такой ерундой не занимаюсь.

Кира захлопала ресницами, театрально приложила ладонь к груди:

– Ох, а я уж думала, вы применили ко мне свою силу.
– Какую ещё силу? – рассеянно моргнул Вешников.
– Никакую, – насутился Логарифм.
– Значит, усатый-полосатый может командовать женщиной? – промурлыкал Тым. – Нравиться ей, когда захочет, и не нравиться, просить сварить нувкурак из мяса кита, приласкать там, где хочется...

– Вот-вот, – усмехнулась Кира.

– А что именно вы можете?

Беркутов закатил глаза. Даже вроде бы покраснел, если он вообще был на это способен.

– И почему мне достались животная? – пожал плечами Тымнэвакат. – Почему я понимать их язык и так плохо понимать человеки?

– Потому что, если бы тебе достались люди, ты бы их покалечил, – не отрывая глаз от журнала, вставил монах.

– Ай-ай, какой отец Ануфрий строгая!

– Я просто реально смотрю на вещи.

– И что же вы там насмотрели? – поинтересовалась Кира, кивком показывая на стопку газет.

– Прелесть нового мира в том, что одновременно со спячкой закончились войны. В этой статье описан случай, как командир правительственного отряда в Йемене, отправился уничтожать группу повстанцев. На замаскированной базе они не встретили никакого сопротивления. Командир решил первым пойти в разведку. Где-то на полпути он понял, что никто его не прикрывает, но возвращаться не стал. Да и прикрывать-то было не от кого. Повстанцы спали на вышках и у ограждений, в столовой, оружейной и прямо посреди базы, под палящим солнцем, кто-то безоружный, кто-то в обнимку с АК-47 или гранатомётом. Командир, к слову, оказался человеком чести и не тронул спящих. Связь с командованием подозрительным образом прекратилась. Когда он вернулся на исходную, его отряд почивал так же сладко, как и противники. По-видимому, он успел рассказать эту историю журналистам. Газета последняя, в ней уйма опечаток и текст напечатан криво, будто вся типография надралась.

– Военные волнуют меня больше всего, – задумчиво пробормотал Логарифм. – Чудо, что все мы ещё не взлетели на воздух. Ведь боеприпасы с недавнего времени доступны любому.

– «Любых» осталось не так уж много, – заметил Вешников, делая новый глоток из ажурной чашечки, расписанной под кружево.

– Где вы достали эту нелепицу? – вскинул бровь Беркутов.

– В сувенирной лавке, где же ещё? Ленинградский фарфор, между прочим.

– А кофе где откопали?

– Он желудёвый, – неловко кашлянул сомнолог.

Логарифм поморщился.

Кира подошла к говорившим, укуталась в вязаную кофту, взятую в том же чудесном бутике.

– Как ваша супруга?

– Всё так же, – вздохнул Вешников.

– Вы... оставили её одну?

– Хм, да. Одну. Её состояние стабильно, если можно так сказать. И мне даже ничего не нужно делать, чтобы его поддерживать, если вы понимаете.

Сомнолог поёжился, оглянулся, всмотрелся в сумрак коридора, который вёл в просторный холл с прозрачным куполом. Зал, в котором некогда сновали туристы и пассажиры, а их встречали и провожали толпы близких им людей, пустовал. Теперь каждый звук в этом зале отражался эхом, но главное – там было достаточно холодно, чтобы тело Евы жило, пусть и

погружённое в мутное облако спячки, оно не умирало, пока температура воздуха не поднималась выше минус пяти.

– Поверить не могу, – промолвила Кира. – Что там, в городе ещё тысячи таких же несчастных. И мы ничего не можем сделать.

– Можем, – перебил её Логарифм и окинул угрюмым взглядом всю группу. – Можем, если выясним, что за чертовщина творится с миром. Но, если мы ещё час проторчим здесь, ожидая неизвестно какой помощи, этот час может стать решающим для всех.

– Вы сами оставили запись и попросили старика передать её выжившим, – возразила Кира.

– И ничего глупее я ещё не делал.

– Почему?

– Потому что старика уже может не быть в живых, а запись получили те... Те самые, кого лучше не вспоминать. Мы сами навели их на след. Вот что я недавно понял. А теперь я скажу, почему вы так пассивны. Почему вам не хочется что-либо предпринимать. Лень, бездеятельность – ранние признаки тяжёлой усталости. И поначалу человек их не замечает. Понимаете, мать вашу, насколько всё серьёзно?

С досады он пнул бутылку лимонада ногой. Она скользнула по полу, зацепилась горлышком за ножку сиденья и закрутилась, как в игре, которую так любят подростки. Когда бутылка остановилась, пробка смотрела ровно на проход к терминалам. Вся группа, не сговариваясь, уставилась на импровизированный ориентир.

– Смотрели когда-нибудь научно-популярные фильмы про планету без людей? – бушевал Логарифм. – Угольные электростанции перестают работать сразу же после того, как подача угля прекращается. То есть в первые сутки. Вслед за ними выходят из строя турбины на плотинах гидроэлектростанций. Знаете, что должно случиться всего через неделю? Полный швах! На атомных электростанциях закончится топливо и дизельные генераторы выйдут из строя. Вода для охлаждения перестанет поступать, температура начнёт повышаться и – бам!

Он хлопнул в ладоши так, что Кира подпрыгнула.

– Взрыв здания реактора, равный взрыву двухсот пятидесяти атомных бомб. Радиация! Смерть! Мир, принадлежащий крысам и тараканам. Хотя с тараканами это всё сказки, они выжили в тёплых квартирах людей и сдохнут вместе с нами.

Тым почесал бугристый затылок.

– Очень заумно сказал, но моя согласен. Сидеть здесь плохо. Опасно. Нужно идти. К тому же мы обещали слушаться коротыха.

Отец Ануфрий наконец отложил газету, неохотно кивнул.

– Да. Обещали.

– И это только потому, что вам приснился пророческий сон? – вмешалась Кира. – Сомнительный аргумент.

– А по-моему, в самый раз, – встрял Логарифм.

– Молчите, Беркутов. Ну, рассказывайте, что же вы видели?

Монах шумно выдохнул, растёр ладонями лицо.

– Ну хорошо, я расскажу. Это случилось примерно месяц назад. К тому времени в монастыре, где я служил, уже творились странные вещи. Иноки стали пропускать утренние службы. Немыслимо – их было не добудиться. Я пошёл к настоятелю и нашёл его чуть живым. Он не мог говорить и лежал на постели. Он указал мне на храм, виднеющийся в окне. Не знаю, правильно ли я его понял, но я пошёл проводить службу, потому что больше было некому. Я всё ждал, что скрипнет дверь и кто-нибудь войдёт в церковь, но никто так и не появился. Той же ночью мне приснилась верхушка снежной горы с раздвоенным пиком. Лиловое облако то опускалось на гору, то поднималось. Шёл снег и у меня заледенели ноги, но кто-то всё время повторял, что надо идти дальше. Ты, – монах указал на учёного, – это был ты, Ибрагим.

– И это всё? – развела руками Кира.

– Нет, были и другие образы, другие люди – те, которых мы ждём.

– Хорошо, допустим, – подняла брови девушка. – И я тоже была в этом сне?

– Все, кто есть в этой комнате. На следующее утро ко мне пришёл Тымнэвакат. Мы сердечно поговорили и отправились на другой конец страны, разыскивать вас.

– Просто взял и пришёл? Вы же были незнакомы. Как ты нашёл отца Арсения? – спросила она у Тымнэваката сурово, как у ребёнка, который без спросу утащил конфетку.

– Как-как, тюлень подсказала! – важно проговорил Тым.

– Кто?

– Сначала шаман объяснял, объяснял, языком молот – моя ничего не понял. Говорил, мол, луна поест солнце и большая медведь придёт за медвежонком. Говорил, люди станут слабыми, как младенцы. Потом шаман усни, дети дома усни, жена усни. Моя взял мешок с едой и пошёл. Слушал ветер – ничего не сказал. Слушал море – ничего не сказал. Слушал чайку – она сказал, что не хочет летать, хочет сидеть в гнезде весь день. Слушал собаку – она сказал, что не будет лаять на меня, потому что всё равно не догонит. На переправе взял лодку. В заливе вынулась тюлений башка. Что, говорю, плавать не хочешь, рыбу ловить не хочешь – давай угощу. Кинул башке рыбки. Тюлень ко мне подплыла и залопотала: «Иди в Порфирьевский монастырь, что на материке, и найди там монаха по имени Ануфрий». Моя так и сделал.

Кира закрыла глаза.

– И давно вы понимаете язык животных? – пытаюсь то ли не рассмеяться, то ли не рыдаться, выдавила она.

– Давно бы понимал – не брал мясо и шкуру, – ответил Тым. И улыбнулся во все зубы.

Логарифм тяжело опустился на сиденье.

– Нам всем нужен врач. Желательно психиатр.

– Его мы обязательно встретим, – ласково проговорил монах. – Он тоже мне снился.

Беркутов хлопнул себя по ляжкам, подскочил.

– Так. Ясно. Давайте выясним, что мы можем сделать. Вы, отец Ануфрий, насколько я помню, бывший пилот.

Монах кивнул.

– Частным самолётом управлять сможете?

– Думаю, да. Мне приходилось летать и на военных истребителях, и на пассажирских лайнерах, и на аэропланах. Но я всё же за то, чтобы дождаться остальных.

– Давайте хотя бы посмотрим, что у нас есть. Может, и лететь не на чем? Мы уже сутки торчим в этом аэропорту и ничего толком не исследовали.

– А вам лишь бы исследовать что-нибудь! – съязвила Кира.

– Маленькая моя, – процедил Логарифм. – Ты даже не успела устроиться на кафедру младшим научным сотрудником, а уже изводишь меня своими капризульками.

– Да у вас и кафедры-то не было, когда я пришла. Так, одни развалины!

– Хватит, – рявкнул кто-то. И все синхронно повернулись к Роману Вешникову, бывшему сомнологу, а ныне ещё и бывшему бариста кофейни «Письма», вялому кулёму и молчуну, от которого никто не ожидал крика.

Вешников неловко потоптался на месте. Пустая чашечка кофе и блюдечко в его руках напоминали игрушечный щит и меч. Но при всей комичности его позы, никто не вымолвил ни слова.

– Моя жена, – продолжил сомнолог, сорвавшись на визг, – лежит сейчас в соседнем зале. Ваши родители, Кира, на постели в питерской квартире не могут проснуться и позвать на помощь. У Тымнэваката в юрте остались жена и дочь, а мы ходим тут, спорим, занимаемся какой-то фигнёй! Может быть, остальным нечего терять? Но нам просто нельзя сидеть на месте!

Отец Ануфрий отложил журнал, подошёл к Вешникову, тихо и коротко бросил:
– Идёмте.
– Аллилуйя! – буркнул Логарифм и закатил глаза.

Они быстро, без особых препятствий минули зону регистрации со столбиками и разделительными лентами, которым некого было теперь разделять. Доцент и сомнолог шли первыми, за ними, негромко переговариваясь, ступали отец Ануфрий и Тым, Кира чуть отстала, разглядывая брошенный то здесь, то там багаж, словно пассажиры просто исчезли, испарились. В пустом зале аэропорта шаги неспящих с гулким эхом разлетались под куполом. У Киры бежали мурашки от этой гробовой тишины. Молчали ресторанчики быстрого питания, сувенирные лавки, магазины с фирменными чемоданами и сумками. Застыли багажные ленты, а сквозь рамку металлоискателя можно было пройти хоть в стальных доспехах – ничто бы не пикнуло.

Интересно, что заставило людей бросить вещи и бежать без оглядки? Возможно, тот самый дождь из самолётов, летящих на автопилоте, о котором говорил монах. Некоторые из них падали недалеко от аэропорта, другие – там, где заканчивалось топливо. В предыдущие ночи Кира не раз просыпалась от неясного грохота взрывов и слабой вибрации. Кто знает, может, это был очередной упавший самолёт, полный спящих пассажиров, или атомная станция, отжившая своё. Что, если радиация уже давно распространилась по городу, проникла им в кости и сейчас убивает?

– Счётчик Гейгера, – произнесла она вслух.
– Уже, – не оборачиваясь, откликнулся Логарифм.
– И что?
– Норма, – ответил он, выдержав театральную паузу.
– У вас он что, всегда с собой?
– В моём чемоданчике, – доцент сделал рукой жест, как будто что-то несёт.

Кира вздохнула.

– Можете вы хоть раз ответить по-человечески?

– В некоторых аэропортах есть приборы, позволяющие вести радиационный контроль, – задумчиво проговорил отец Ануфрий. – Возможно, наш уважаемый учёный нашёл такой и воспользовался. Только вот ума не приложу, как он это сделал без электричества.

– Вы не поверите, – подмигнул «наш уважаемый учёный». – Но я использовал батарейки. На холоде они быстро разряжаются, но годные ещё можно найти.

Они дошли до застывшего эскалатора, с грохотом затопали вверх по стальным ступеням.

– Не понимаю, – нахмурилась Кира. – Вы сказали, что атомные станции должны были уже взорваться. Что-то там про охлаждающую жидкость... Почему тогда этого не случилось?

– Вопрос не ко мне, а к монаху, – небрежно бросил Логарифм. – Чудеса по его части.

Отец Ануфрий покачал головой.

Вешников наклонился к Логарифму:

– А другие варианты?

Эколог пожал плечами, зловеще прищурился.

– Слабо верится в группу добрячков-энтузиастов, едущих от станции к станции и запускающих систему охлаждения. К тому же они должны хотя бы немного разбираться в атомной инженерии. Возможно, защитные системы ещё действуют или кто-то заинтересован в том, чтобы станции не рванули.

– Кто?

Логарифм обвёл спутников своим тяжёлым фирменным взглядом исподлобья:

– Паразиты. В многообразии живых организмов они всегда занимали громадную нишу. Существа, которые не желают добывать ресурсы самостоятельно и предпочитают использовать энергию хозяина.

– Не понимаю, – нервно моргнул Вешников.

– Среди выживших есть те, кто спит сном Белоснежки, их аккумуляторные батареи приближаются к нулю. Есть бродяги вроде нас. Они влачат своё жалкое существование и никак не могут понять, для чего избраны. И наконец, есть те, кто питается бодрствующими и спящими, подсасывают жизненные силы, вроде энергетических вампиров, в которых верят суеверные девы, начитавшиеся эзотерических книжек. Если представить, что человечество – единый живой организм, паразитам есть чем поживиться. Но убивать всех хозяев сразу – значит остаться без дармовщины.

– По-вашему, это они контролируют работу атомных станций?

– Я сказал: возможно. Они могут проявлять заботу о нас, как муравьи, доящие тлю.

– Кто они? – не выдержала Кира. – Бездушные зомби? Каннибалы? Нетопыри с кожаными крыльями?

– Наркоманы, – оборвал её монах, и все повернули головы на звук его голоса. Ануфрий неловко потупился: – Вы единственная, Кира, кто с ними ещё не встречался лично. Да, вы и ещё наш друг сомнолог.

– Наркоманы? – рассеянно повторила девушка.

– Да. Только их наркотик – не героин и ему подобные вещества, а наша с вами жизненная энергия. Ибрагим прав: они вроде вампиров, сосут её из нас. И для этого им не требуется делать проколов на шее.

– Откуда вы это знаете?

Отец Ануфрий через силу улыбнулся, кривая морщинка изрезала ровный лоб.

– Рыбак рыбака видит издалека. Между жизнью пилота и жизнью монаха была ещё одна жизнь, которую я плохо помню. В ней было маловато смысла, но кое-что полезное я вынес: научился отличать людей, зависимых от дозы, от всех остальных. Под дозой я понимаю и такие наркотики, как власть и сила.

– Значит, по-вашему, они всё-таки люди?

– Больные люди, жестоко страдающие от своей зависимости.

Проходя через стойки паспортного контроля, их группа разделилась, затем поспешно собралась воедино.

– Здесь я не соглашусь с нашим великим молитвенником, – объявил Логарифм, косясь на отца Ануфрия. – Наши нетопыри вполне разумны, они осознанно причиняют вред другим, но остановиться, увы, не могут. Слишком велик соблазн.

– Это и есть зависимость, – пожал плечами монах.

– К какому терминалу пойдём? – перебил их Вешников.

– Без разницы.

– Хорошо бы посмотреть в окно и выбрать подходящий самолётик...

Коридор резко повернул. Сомнолог запнулся.

Кира вскрикнула и зажала ладонью рот.

Посреди прохода, прислонившись спиной к колонне, сидела стюардесса. Её голова лежала на груди, пилотка едва держалась на макушке, ноги в остроносых красных туфельках разъехались.

– Она мёртвая или спит? – выдавил из себя Вешников.

Никто ему не ответил. Потому что вопрос относился к риторическим. В воздухе уже чувствовался сладковатый запах перегнивших листьев и железа. Ладони несчастной скрутила посмертная судорога. Окоченевшие пальцы сложились в чаши, словно умирающая в последние минуты жизни просила милостыню сразу двумя руками.

Вид неподвижного женского тела в униформе заставил всех надолго замолчать, жёстко оборвал поток рассуждений и заумных гипотез. Вид смерти ураганом ворвался в неторопливый ритм жизни, в котором вся компания существовала последнюю неделю.

В новом мире, где для горстки выживших всегда полно пищи и тёплой одежды, всегда есть где лечь спать и чем себя развлечь, труп молодой стюардессы казался чужим, лишним. Особенно здесь, в аэропорту, вдали от города-фантома, который на расстоянии воспринимался как нечто фантастическое – гигантское чистилище, усыпальница для жителей, застрявших между жизнью и смертью.

Тым подошёл к покойнице, под ногами захрустели осколки стёкол, сел на корточки, изучил цепкими глазками сведённые руки, заглянул в опущенное лицо.

– Много-много боролась. Не хотела умирать.

Кира почувствовала, как сжимается желудок. Перед глазами запестрили мошки.

– Она умерла во сне?

Тымнэвакат пожал плечами:

– Этого тело не говорит. Тело говорит, что из него забирали силу. Оно сопротивлялось, не хотело сдаваться. Видишь, кожа как у мумия? На холоде так не умирают, даже на таком слабом, как здесь.

Кира бросила короткий взгляд на стюардессу. Кожа на запястьях и ладонях обтянула бугры на костях, словно высохла под солнцем. Белая перчатка была только на одной руке.

– Эта не похожа на других мёртвых, – продолжил Тым, хмурясь. – Эта умерла иначе. Её выпили. Нисего не оставили.

Ануфрий вздохнул, закрыл глаза и начал что-то шептать про себя. Янтарные чётки в его руках монотонно бряцали.

– Молитесь-молитесь, – пробормотал Логарифм. – Но лучше о тех, кто остался. О нас.

Монах открыл глаза, удивлённо поглядел на доцента.

– Всё верно, – кивнул учёный. – Она из нашей когорты – выживших и одарённых. И за ней охотились.

– Она не успела с нами встретиться, – пробормотала Кира. – Возможно, подумала, что осталась одна на целом свете. Если бы мы пришли сюда на пару дней раньше...

– Нас могло бы уже не быть, – оборвал её Логарифм. – Для одиночки она неплохо справилась. К тому же в отличие от нас успела обнаружить у себя дар и воспользоваться им.

С этими словами он махнул рукой в сторону выключенного кофейного автомата.

Только теперь Кира разглядела за будкой очертание какого-то тёмного округлого предмета, который она по ошибке приняла за мусорный мешок. Пожалуй, такой большой, литров на двести с лишним, годился для строительного хлама. Но что мусорному мешку делать в коридоре аэропорта, где строго следят за каждой урной? И какому психу приспичило убираться в момент, когда должен произойти всемирный коллапс?

Кира сощурилась, шагнула вперёд. Пухлый бок мусорного мешка приобрёл облик мужской спины. Блеснул холмик бритого затылка. Взгляд скользнул ниже, различил высокий ботинок. Неестественно скрученные ноги толстяка выглядели так, словно он погиб выполняя хитрую асану из йоги.

– Хорошо она его припечатала, – Логарифм подошёл к мертвецу, внимательно осмотрел стену, на которой остался тёмный след. – Такого борова от себя руками не оттолкнёшь. Нужны способности. Сверхчеловеческие. Жаль, мы так и не узнаем, как именно она это сделала.

Он цыкнул и поспешно убрал ногу, вляпавшись носком в какую-то жижу. На полу, возле тела, там, где оканчивалась тень от кофейного автомата, что-то пестрело.

«Лужа, – подумала Кира. – Лиловая или фиолетовая краска. Нет, не краска. Кровь».

Отец Ануфрий побледнел, зажал рот рукой, поспешно отвернулся.

– Что с вами? – спросила Кира.

– Ничего такого, – пробормотал монах. – С детства не могу переносить вида крови. Становится плохо.

– Так не смотрите, – посоветовал Логарифм, вытирая носок ботинка об пол. – Сколько было нападавших?

– Нападавших? – повторила Кира и тут же заметила на полу следы засохшей грязи, которые с любопытством опытного охотника рассматривал Тымнэвакат.

– Двое. И ещё животное, – ответил житель Крайнего Севера.

– Животное? – снова повторила девушка. В носу свербело, голову заполнял туман. Но она сумела разглядеть на полу отпечаток лапы с пятью пальцами. – Собака?

– Собака-собака, – кивнул Тым. – Большой пёс. Сторожевой пёс.

– Отлично, – мрачно выдохнул Логарифм. – Только бешеной животины нам не хватало. Говорят, именно так себя станут вести домашние животные, когда люди исчезнут с лица земли. Надеюсь, он уже сбежал отсюда и прибил к стае таких же диких дворняг.

– Пойдёмте отсюда, – попросил Вешников. Его бледное лицо отдавало нездоровой зеленью.

Логарифм кивнул, Тым, хрустнув коленями, поднялся на ноги, Ануфрий убрал в карман чётки.

– Стойте.

Кира задержала дыхание, быстро приблизилась к трупку стюардессы, наклонилась и двумя пальцами вытянула краешек бумажки из внутреннего кармана.

– Что это? – поднял бровь эколог.

– Послание, надо думать, – девушка развернула бумажку.

– Бред какой-то, – буркнул Логарифм. – С чего бы это ей оставлять послание?

Вместо ответа Кира носком кеда сдвинула в сторону правую кисть мёртвой стюардессы. На указательном пальце белой перчатки виднелось бурое пятнышко запёкшейся крови.

– Послание кровью? – пробасил Беркутов над самым ухом бывшей студентки. – Как в старом добром детективе.

– Не иначе, – ответила Кира. – А вы видите другие причины, заставившие умирающего человека писать что-то на клочке бумаги?

– Но зачем было прятать письмо в карман?

– Возможно, она не хотела, чтобы его нашли убийцы.

На тонком листочке, однако, не было ничего написано. Только схема длинных коридоров с ответвлениями, какие-то цифры и бурая метка.

– Это номера терминалов, – сказал Ануфрий, заглядывая через плечо. Его голос задрожал.

«Даже удивительно, – подумала Кира. – Он спокойно глядит на высохшие трупы, но от вида крови теряет голову».

Они уставились на кровавый крестик напротив одного из выходов.

– Терминал номер пять. Почему она отметила именно его? – Логарифм закрутил скрипучий ус.

– Давайте выясним это в другой раз, – взмолился Вешников. – И в другом месте.

Дальше было только хуже. На пути к терминалам их ждал сюрприз. Если нижние этажи, на которых они жили, пустовали, то верхние напоминали тихий склеп.

Редкие тела пассажиров сидели за столиками, лежали в креслах для ожидающих и в общем, если не присматриваться, выглядели как живые, разве что не двигались.

Мумия в тоненьких очках и деловом костюме бережно обнимала кожаный портфель. Другая прикрылась зимней курткой и, казалось, сладко спала, подложив под голову ладошку. За столиком в кафе, карикатурно и нелепо, мертвец опустил лицо прямо в тарелку с

супом. Опершись спинами на стойку бара, одинаково закинув головы назад, будто в последней попытке увидеть небо, сидели двое: мужчина, в шарфе и пальто, с обтянутым серо-зелёной кожей лицом, и девочка, с жуткими мутными глазами, в шапочке с помпонами.

Кира отвернулась и больше не смотрела по сторонам. Мужчины угрюмо молчали.

*Спят мертвецы без савана, без гроба,
В красивых платьях, шляпах и пальто,
Но вы, неспящие, смотрите в оба,
Уже грядёт безликое Ничто.*

Они оглянулись на декламирующего стихи.

Роман Вешников стоял посреди верхнего зала с лицом, по цвету напоминавшем медузу.

– Ева написала эти стихи, – оправдался сомнолог, оглядываясь в ту сторону, где оставил тело супруги. – Думаю, мне нужно проверить, всё ли с ней в порядке.

– Сначала найдём самолёту, – поднял палец Тым. – Лучше держаться вместе.

– Безликое Ничто? – скривился Логарифм. – Бессмыслица какая-то. Невозможно заметить то, чего нет.

– Вообще-то, она никогда особо не увлекалась поэзией, но последний месяц перед катастрофой... – Вешников тяжело вздохнул и не договорил.

Тым втянул носом воздух, окинул недобрым взглядом зал ожидания.

– Эти спали ещё живыми. Не сами умерли. Плохой нелюдь приходил к ним во сне. Брал из них силу. Забирал одного за другим. Трупы нехорошие. Трупы как рыбка, которую сушили на ветру. Трупы не гниют.

Он сплюнул на пол. Задумался.

Кира почувствовала, как немеет язык и холодеют кончики пальцев, как желудок тяжелеет, словно её заставили съесть целое ведро колотого льда. Она глядела в пол – упрямо, не сводя глаз с перекрещенных линий между плитками. Линии дрожали, расплывались перед глазами. Она не должна была поднимать голову, не хотела снова смотреть туда, где лежали, обнявшись, отец и дочь. Но её взгляд против воли скользнул к барной стойке. Она снова увидела мутные глаза девочки, глиняную маску застывшего ужаса, вздёрнутую губу и под ней редкие молочные зубы.

Колени со стуком ударились об пол, Кира что-то промямлила и повалилась на пол.

6. Пятый терминал

Очнулась она дома, в своей кровати. Из окна струилась приятная прохлада. Горел ночник. Одно беспокоило: в точке над верхней губой, прямо под носом, нарастала боль. Из ноющей она быстро перешла в огненную, запульсировала.

Кира застонала. Перед глазами заплясали красные всполохи.

– Не-е-ет! – Она отмахнулась, задела чью-то руку, которая с садистским упорством давила чем-то твёрдым ей на губу.

Раскрыла глаза. Исчезла уютная комнатка, которую она сама обставляла мебелью из ИКЕА: книжная полка под светлое дерево с подборкой классического фэнтези и научно-популярными книжками по истории, экологии и физике, старое кресло-качалка и кровать, наверное единственная в мире, на которой Кире не приходилось сгибать ноги в коленях, чтобы поместиться.

Помещение, в котором она оказалась, было куда шире её комнаты. Высокий потолок терялся в полумраке, ближайшая стеклянная стена находилась в двадцати шагах. За окном темнело небо, последняя бледная полоска света тускло освещала взлётную полосу, на которой виднелась гладкая спина и хвост пассажирского авиалайнера. Возле недвижимого гиганта застыл брошенный автопогрузчик с потухшими фарами, а вдали виднелись частные самолёты поменьше.

– Где мы? – спросила она, разглядывая четыре сумрачные фигуры, стоящие над ней. «Мужские фигуры», – внезапно поняла она и, вздрогнув, запахнула кофту на груди.

– Вы потеряли сознание, – сказала одна из фигур голосом Ануфрия. – Нам пришлось вас перенести сюда. Здесь больше воздуха и...

Монах вздохнул.

– Нет мертвецов, – закончила Кира за него.

Господи, как же стыдно! Они вчетвером волокли её из другого зала, по коридорам, как куклу, такую длинную и беспомощную. Вспотели, наверное. Она села, потёрла ноющую губу.

– Зачем вы меня мучили?

– Мы не мучили, – засопел Тым. – Мы помогли. Когда человек падает без духа, когда замерзает в снегу, надави ему в ямку между губой и нос. Он скажет «ой-ой» и проснётся!

– В каком ещё снегу? – застонала Кира.

– Вы были в отключке почти десять минут, – объяснил Логарифм. – Дышали, но слабо. Мы даже подумали, не сонная ли это болезнь?

– Как вы? – спросил монах.

– Как? – Кира подняла недовольное лицо, её рыжие волосы разметались по плечам, глаза вспыхнули. – Отвратительно, ужасно, хуже некуда! Я никогда в жизни не видела мёртвых. И в один день встретила больше дюжины. Рассмотрела во всех деталях и вряд ли теперь когда-нибудь усну.

– Что-то ещё? – холодно бросил доцент.

– Что-то ещё? – взвизгнула Кира. – Так, мелочь. Я не хочу жить в этом гигантском некрополе. Я студентка, у меня впереди целая жизнь. Я хочу ходить на пары, а по вечерам встречаться с друзьями. Хочу путешествовать по миру. Хочу в Париж, который теперь похож на гору трупов. Хочу в Нью-Йорк, который теперь похож на Париж. Вернее, я никуда теперь не хочу...

Она запнулась.

– Чего ещё вы хотите? – буднично поинтересовался Логарифм.

– Чего ещё?! – почти задыхалась Кира. – Домой, в свою комнату. К родителям, которые не лежат двумя колодами на кровати, а живут, двигаются, заваривают чай с мятой, обсуждают фильмы. И мама ставит на стол тыквенный пирог...

Она издала странный гортанный звук и вдруг зарыдала, уткнувшись в колени.

– Я... Я хочу в горячий душ, норма-а-ально помыть голову, – нараспев протянула она. – Хочу поговорить с подружкой по телефону. Час, нет, два часа, три...

Она шумно выдохнула, вытерла щёки.

– Только... Вы вряд ли меня поймёте. Разве что Вешников. У него жена.

– У меня тоже жена и дети, – насупился Тым.

– Я вас понимаю, Кира, – вздохнул сомнолог. – Вы хотя бы поплакать можете.

– Вот именно, – Кира уже успокоилась, поднялась на ноги, расправила юбку. – Я хотя бы могу, не то что этот, – она кивнула в сторону Логарифма.

Тот неопределённо пожал плечами:

– Предлагаете мне оплакивать целый мир? Гибнущее человечество, глупое, с вечной тягой к саморазрушению? Я его никогда не любил. Сохраню слёзки для какого-нибудь брошенного щенка.

– Да уж, вы-то к человечеству не относитесь, – она шмыгнула носом. – У кого-нибудь есть салфетки? Ах да, я же в компании мужчин. И рукав сойдёт.

– Кира, зачем вы так? – огорчился Вешников.

– Бурные эмоции, – фыркнул Логарифм. – Это всегда легче, чем найти решение.

Кира метнулась к нему, прежде чем кто-то успел пошевелиться, раздался шлепок.

Тёмная фигура потёрла щёку.

Низкий голос дрогнул:

– Великолепно. Остатки человечества колотят друг друга по лицу. Вам полегчало?

– Значительно, – Кира распрямила спину. – И раз уж нас осталось немного, может быть, бросим эту идиотскую манеру обращаться друг к другу на «вы»?

Монах вежливо кашлянул, Тым усердно закивал, Вешников пробубнил что-то себе под нос, Логарифм хмыкнул.

– Принято единогласно. А теперь кто-нибудь объяснит мне, где мы находимся?

– У терминала номер пять, – ответил Ануфрий.

– Что? Почему именно здесь?

– Потому что эта терминала была указана в листочике, – обрадованно воскликнул Тым.

– Вы серьёзно? – Кира закатила глаза. – Вы притащили меня к единственному входу, который был перечёркнут в схеме?

– Он был помечен, а не перечёркнут, – возразил Логарифм. – Значит, нужно проверить, что в нём такого особенного...

– Он смертельно опасен, вот что в нём особенного! – девушка переводила взгляд с одного молчаливого лица на другое. – Неужели не ясно, она хотела предупредить нас, что к пятому терминалу лучше не ходить! Иначе зачем пачкать бумагу собственной кровью?

– Наш монах тоже выразил такую мысль, но верно ведь и обратное: именно через этот выход следует идти, потому что он приведёт нас к самолёту.

– Да с чего ты взял?

– Просто предположение. Самолёт, на котором прилетела стюардесса, вероятно, вместе с пилотом, находится именно за этим терминалом. Это единственный самолёт, про который можно с уверенностью сказать, что он в рабочем состоянии. Возможно, его нужно заправить, но зато он точно полетит...

– Или так, – прервала доцента Кира, – она предупредила нас, что ходить туда смертельно опасно.

– Ты это уже говорила.

– И ещё скажу! – Она повернулась к Ануфрию. – Ну хоть ты-то поддержи меня!

– К сожалению, мне неизвестно, с какой целью она отметила пятый терминал. Возможно, это произошло гораздо раньше, когда опасность ей ещё не угрожала. Просто бумажка валялась у неё в сумочке.

– Господи, неужели вы...

– Неужели – что? – ухмыльнулся Логарифм.

– Неужели не чувствуете, что за этой дверью что-то не так?

– Ах, женская интуиция. Так я и думал. У меня предложение получше. Пойдёмте проверим. Просто заглянем туда, и всё.

Кира закрыла глаза, с шумом выдохнула.

– В конце концов, – подбоченился Вешников, – что с тобой может случиться, Кира? Ты в компании четырёх взрослых мужчин.

Он повернулся и первым пошёл к выходу.

– Четырёх мальчишек, – прошептала Кира. – В компании четырёх храбрых мальчишек.

За первой дверью ничего не оказалось, кроме длинного однообразного коридора.

– Какой ужас! – Логарифм схватился за щёки. – Стены сейчас начнут сжиматься и убьют нас!

Кира шла в хвосте и угрюмо молчала.

– Мозг человека быстро привыкает даже к самому необычному, – начал читать лекцию доцент. – Столкнувшись с одной необъяснимой проблемой, мы начинаем искать угрозу во всём вокруг. Так и до паранойи...

Он заткнулся, не донеся ладони до ручки двери. Откуда-то с улицы раздался протяжный вой.

Доцент сглотнул.

– Ну что же вы? – невинно бросила Кира. – Не интересно, кто там?

Логарифм прислушался. Никаких звуков. Нажал на длинную ручку.

Дверь приоткрылась. Порыв сырого ветра ворвался внутрь, охладил разгорячённые лица.

– Никого, – пробормотал эколог.

– Тогда кто же выль?

– Просто ветер.

Мужчины вышли из терминала, Кира остановилась в дверях. Они оказались на широком лётном поле. Несколько пассажирских авиалайнеров спящими гигантами застыли неподалёку от здания аэропорта.

Оставленная прямо посреди поля техника: крохотный тягач, служащий для буксировки самолётов; пёстрые перронные автобусы; передвижные трапы; жёлтые грузовички с потухшими сигнальными огнями и снегоуборщики, – казалось, вот-вот оживёт, засуетится. Но пока весь муравейник спал.

– А вот и наша птичка, – Логарифм указал на небольшой самолёт, застывший примерно в трёхстах метрах от терминала. – Компания «Икар», фирменный лейбл с пернатым крылом, такой же, как на форме нашей знакомой стюардессы. Выходит, я прав: она прилетела сюда на нём. Что скажете, капитан?

Монах прищурился.

– Скажу, что здесь ему не место. Эта полоса предназначена для крупных лайнеров. А это среднегабаритный джет для частных перевозок. Возможно, ему пришлось приземлиться сюда из-за сильного ветра или...

– Или что-то случилось на борту. Мы не знаем что, – перебил учёный. – Сможете поднять его в воздух, если он исправен?

– Мне не приходилось таким управлять, но думаю, разобраться можно.

Кира издала странный звук, не то чихнула, не то прыснула со смеху.

– Да вы что, издеваетесь? Ради чего вы собираетесь рисковать жизнями? Во-первых, мы даже не решили, куда летим. Во-вторых, мы не решили зачем. На юге люди устают не меньше, чем на севере, вы сами сказали. Чего ради я стану подниматься на борт неизвестного судна, которым собирается управлять пилот-монах? Прости, Ануфрий, но при всём уважении я на это не решусь. У тебя ведь много лет не было практики.

– Скажи просто, что ты всегда боялась летать, – ввернул Логарифм.

– Ещё бы! На самолёте с названием «Икар» я точно никуда не полечу. Тому, кто придумал это название, хотя бы было известно, что в мифе Икар разбился? Как можно так называть самолёт?!

– Если бы Икар послушался отца и не взлетел так высоко, солнце не расплавало бы воск на его крыльях, – мечтательно проговорил Вешников. – Мне всегда было жаль беднягу.

– Давайте без мифологии, – поморщился эколог и, подняв брови домиком, повернулся к девушке. – Кира, не будем торопиться, просто поднимемся на борт и осмотримся.

– А потом? Что потом? – Кира так резко взмахнула руками, что дверь, которую она удерживала плечом, соскочила и захлопнулась.

Она сразу же дёрнула за ручку, но дверь не поддалась.

– Прелестно, – ухмыльнулся Логарифм. – Нам всё равно искать другой вход. Тёплых курток мы не взяли. Всех приглашаю на борт!

– Всё не так просто, – подал голос Тым, который, пока все спорили и обсуждали древнегреческие мифы, успел осмотреться и теперь стоял возле сетчатой ограды. – Замок крепкий-крепкий.

Он звякнул тяжёлой цепью, которая висела на стойках ворот. Только теперь Кира заметила, что они за решёткой. Вернее, ограду она видела и раньше, но почему-то пребывала в полной уверенности, что ворота не закрыты и они прямо из коридора выйдут на лётное поле. Так оно и подразумевалось, но терминал номер пять отличался от прочих. Изначально он представлял собой обычный выход, через который пассажиры, предъявившие посадочный билет, проходили на посадку. У входа их ждал автобус, они садились в него и ехали к трапу самолёта.

Так было прежде, но с недавнего времени пятый терминал не использовался по назначению. Об этом свидетельствовали высокие кубические контейнеры, стоявшие у ограды. Собственно, сама решётка здесь была как будто лишней. Она образовала продолговатый дворик, задней стеной которого являлось само здание аэропорта.

– Мы что, заперты? – недоумённо огляделся Вешников. – Но как же Ева? Она там, внутри, одна.

Он бросился к двери, нажал на ручку раз, другой. Но тяжёлая дверь не сдвинулась с места.

– Без паники, – остановил его монах. – Если что, перелезем через забор.

Ануфрий посмотрел наверх, и его рот открылся. Решётку опоясывала шапка из колючей проволоки.

– На колючую проволоку можно накинуть куртку! – пришёл ему на помощь Вешников и тут же сник.

Все они были одеты достаточно тепло для зала аэропорта, в свитера и толстовки, под которыми как минимум у троих было надето термобельё. Они бы не замёрзли, даже если бы совершили короткую прогулку до самолёта. Но никто из них не готовился к тому, что придётся долго стоять на пронизывающем зимнем ветру. К тому, что дверь захлопнется и они попадут в западню.

«Никто из нас вообще не верил, что удастся найти подходящий самолёт», – поняла Кира и расхохоталась.

То ли от холода, то ли от всего пережитого, её смех прозвучал нервным колокольчиком в холодном воздухе.

Мужчины непонимающе переглянулись.

– Группа выживших погибла от холода, – вытирая слёзы, проговорила Кира. – А вернее, от глупости. Род гомо сапиенс обречён. Это точно.

Логарифм мрачно усмехнулся. Монах потёр лицо ладонями. А Вешников, глядя то на одного, то на другого, вдруг начал хохотать, хрюкая и хватаясь за живот.

И хотя со стороны лётного поля дул ледяной ветер, им на минуту стало теплее.

Только Тым не смеялся. Он стоял возле одного из контейнеров и, не моргая, глядел на что-то перед собой. Что-то, что видел из своего угла только он.

Увидев его лицо, Кира прикусила язык, громко икнула.

– Я говорила вам, что это добром не кончится. Не нужно было... Ик! Не нужно было заходить в пятый терминал.

Лица её спутников почти одновременно застыли, напряглись. Они услышали то же, что и она, – низкое утробное рычание.

– Не двигайтесь, – прошептал Тым. – Он меня заметил.

Никто не шевельнулся. Никто, кроме Ибрагима Беркутова. Врождённое любопытство доцента, которого студенты, да и не только студенты, за глаза называли Логарифмом, заставило его почти бессознательно шагнуть в сторону Тыма и поглядеть своими глазами на нечто, таящееся за контейнером.

То, что он увидел, ему сильно не понравилось.

Там лежал ещё один окоченевший труп. Хотя от его лица мало что осталось, по разорванной форме аэрофлота и перепачканной тёмной кровью фуражке можно было узнать пилота «Икара». Фирменная эмблема красовалась над козырьком – золотое крыло в изящном полукруге.

Труп лежал здесь давно. Ветер и холод превратил его в ещё одну мумию. Хотя, возможно, над телом пилота, как и в случае с мертвецами из зала ожидания, поработала не просто окружающая среда, а кто-то голодный и жадный до чужой энергии.

Этот кто-то сейчас смотрел на Ибрагима Беркутова не моргая. Два тускло мерцавших в тени глаза следили за каждым движением доцента. Цвет этих глаз был неземным, бледно-лиловым.

Мерзкое создание громко запыхтело, вышло на свет, ощерило клыки.

– Хорошая собачка, – похвалил доцент страховидло с вывалившимся языком, облезшей шерстью и светящимися на бледной коже фиолетовыми сосудами.

«Хорошая собачка» зарычала.

7. Друг человека

Азора выбрали для пограничной службы за его дружелюбный нрав и отменное обоняние. Выбрали ещё до того, как он родился.

Его мать, Альма – сторожевая немецкая овчарка, прославившаяся тем, что в течение одного часа обнаружила в аэропорту несколько тайников с взрывчаткой и спасла жизни сотням пассажиров, передала сыну лучшие гены.

Кинолог-инструктор Семён Боярчук, взявший на воспитание отпрыска Альмы, любил повторять: «Моя кровинка». Хотя «кровинка», конечно, к нему никакого отношения не имела.

Азор почти не помнил матери. В тот день, когда он открыл глаза и увидел своего хозяина, в нём родилось и никогда не покидало его вполне определённое чувство: «Вот этот лысый усатый человек с мягким брюшком, в которое так весело тыкаться носом, и есть тот, за кем мне идти всю жизнь. Идти, усердно виляя хвостом и делая то, что велят. Если нужно, лизать руки и отбирать палку или делать какие-нибудь другие глупости, вроде обнюхивания сумок и чемоданов».

Тренировки Азора начинались с раннего утра. Он мог по восемь часов проводить на площадке: прыгать через барьеры, совать нос в деревянные прорези, обнюхивать обувь и колёса автобусов, кусать неуклюжего человека в мягком костюме, взбираться по высоким лестницам и спускаться вниз.

От стальных ступеней в конце дня болели лапы. Но отказать своему хозяину пёс не мог. Тот был для него солнцем и луной. Прекрасным усатым созданием, пахнущим сладким потом и табаком. Даже полная миска корма не стоила похвалы Семёна Боярчука, его ласкового почёсывания за ухом.

Да и жизнь по строгому расписанию Азору нравилась. Нравилось построение, когда все остальные собаки выходили из вольеров, становясь возле своих хозяев. Нравилась голоса людей, тысячи запахов в зале ожидания, из которых он умел выкристаллизовать нужный. Нравился рёв взлетающих самолётов, с детства будивших в нём трепет и уважение.

Первые шесть лет службы пролетели для него быстро. Азор окреп, заматерел, отлично знал своё дело и поглядывал на новичков с лёгким пренебрежением. Ночью он, бывало, поскуливал, тоскуя по хозяину. Но это, пожалуй, было единственным горем в его недолгой собачьей жизни – до того дня, как запахи людей вокруг не переменялись.

Это случилось в обычный день, когда у хозяина пикнул прибор на поясе, вызывая их на вполне будничный осмотр багажа.

Азор вышел из вольера, наклонил голову, позволяя прицепить к ошейнику поводок, и пошёл рядом с человеком, чуть касаясь боком его ноги – на небольшом расстоянии, как и требовалось во время тренировок.

Хозяин, похоже, был не в настроении, от него пахло потом ещё сильнее, чем раньше. И в этом запахе чувствовалась какая-то новая примесь. Так пахли люди, которые волновались и собирались сделать кому-то плохо. Запах возбуждения, запах опасности.

Кто-кто, а Азор отлично различал этот запах. Ведь его с детства натаскивали на то, чтобы замечать таких людей в толпе. Он тихонько заскулил и поднял на хозяина глаза, но тот не обратил на него внимания.

Не ускользнуло от чуткого нюха пса и то, что собаки в вольерах и их тренеры теперь пахли иначе. От них исходил кислый, резиновый запах утомления, который обычно люди и животные источали после длительных тренировок. Проблема в том, что они пахли так уже в начале дня.

На учебных площадках лабрадоры проваливали задание за заданием, просили еды и отвлекались на других собак. Овчарки отказывались брать барьер и подниматься по лестницам. Инструкторов, командовавших ими, будто кто-то подменил. Они легко срывались и наказывали животных, путали команды и постоянно уходили на перекур.

В закрытом пункте наблюдения, ведущем в зал ожидания, сидели двое дежурных, смотрели на мониторы. Нередко, когда Азор с хозяином входили в эту маленькую комнатку, охранники громко хохотали и обсуждали последние новости. В тот день в смотровой было тихо. Старший охранник, от которого пахло кофе и дешёвым одеколоном, обычно вставал с кресла, тряс хозяину руку и трепал пса по голове, вопрошая: «Кто у нас лохматый-патлатый? Кого затискать?» В этот раз он так и остался сидеть, только едва повернул голову.

– Ты, Семёныч? Найдёшь кофе,хвати порцайку. Пассажиры всё вылакали.

Хозяин ничего не ответил. Тревожный запах опасности исходящий от него усилился.

Азор посмотрел на дверь, ведущую в зал ожидания, и внезапно почувствовал щенячий страх. Так было с ним всего пару раз, когда на вершине тренировочной лестницы у него кружилась голова от высоты.

Пёс заскулил, упёрся лапами в пол, чуть прикусил поводок и потянул на себя. Хозяину игра не понравилась, он больно дёрнул ремень, и когти Азора оставили на полу царапины.

– Что, мальчик, не хочешь на работу? – спросил старший охранник, голосом, которым сюсюкаются с младенцем.

– Конечно, не хочет, – отозвался второй. – Я бы зуб отдал, чтоб вздремнуть.

Дверь приоткрылась, и в проёме уже показались фигуры снующих туда-сюда пассажиров.

– К ноге! – грозно скомандовал хозяин. И тогда Азор совершил немислимую дерзость, то, чего не позволял себе сделать без команды ни разу за шесть лет службы.

– Ав-ав-ав!

Он гавкнул трижды. Отрывисто, чётко.

Этот сигнал не поняли бы охранники, но хозяин всё поймёт! Нельзя им выходить в зал ожидания сейчас. Там что-то случится. Что-то ужасное, плохое, вроде урагана, смерча или землетрясения. Азора этому не учили, но какая-то древняя часть его мозга кричала: «Нельзя, нельзя выходить! Предупреди всех! Предупреди человека!»

Но человек просто взял и открыл дверь.

Азор сощурился от яркого света, падающего из стеклянного потолка, и вдохнул запахи тысячи тел, наполнявших центральный зал аэропорта.

Ответ пришёл тотчас же – со всеми этими людьми что-то не так. Не было среди них ни одного, кто бы чувствовал себя хорошо и бодро. Толпу окутывало тяжёлое облако усталости, изменился даже запах людей – от их вспотевших тел разлило болезнью.

Глаза пса тоже мгновенно уловили перемены в потоке людей. Пассажиры двигались вяло, куда медленнее, чем обычно. Они наступали друг другу на ноги, толкались локтями, их губы недовольно кривились.

Азор едва успел увернуться от тяжёлого чемодана, который вёз перед собой огромный тучный мужчина в красном спортивном костюме и бейсболке.

– Дорогу! – рывкнул он, не замечая, что хамит сотруднику аэропорта и служебной собаке.

Пёс поднял голову на хозяина – как тот отреагирует? Кинолог-инструктор обернулся на гиганта и не только не разозлился, но и коротко кивнул. Мужчина в бейсболке, ответил ему таким же быстрым поклоном и скрылся в толпе.

Откуда хозяин его знает? Азор обратился к своему чутью и втянул носом шлейф, тянувшийся от большого пассажира.

Его лапы неуклюже заскользили по гладкому полированному полу. Уши самопроизвольно прижались к голове, хвост опустился. Самые ужасные опасения сбылись – незнакомец пах так же, как и хозяин, – возбуждением и опасностью.

Азора подвели к оставленному чемодану, дали его обнюхать. Пёс без интереса проделал свою работу и, облизавшись, сел на пол – просто оставленные вещи, ничего важного.

Теперь хозяин возьмёт рацию и скажет: «Отбой». Азора отведут в вольер и накормят.

Но человек как будто забыл о своих обязанностях. Он стоял возле чемодана, запрокинув голову, и глядел на серое равнодушное небо сквозь прозрачный потолок аэропорта.

Пёс ткнулся хозяину в ногу, потрогал его лапой, рассеянно почесался. Небо едва уловимо изменило цвет. Азор поднял морду и чуть повернул голову. Лиловые всполохи отразились во влажных собачьих глазах.

И тогда с Азором произошло то, что люди называют озарением – все разрозненные события и загадки этого утра собрались в этакий весёлый паровозик, который – чух-чух! – запыхтел, зафыркал и покатился по извилинам.

Он сторожевой пёс, его хозяин и тот толстяк из толпы пахнут иначе, чем другие, потому что они охотники, а остальные – жертвы. Это чувство возникло где-то в глубине его мозга, в той древней части, что дремала с тех времён, когда дикие собаки охотились в стаях и не служили человеку. Оно переполнило его, заставило бешено вилять хвостом, наполнило рот слюной. Ничто не могло сравниться с этим чувством, ни предвкушение от сахарной косточки, ни радость от похвалы хозяина, ни удовольствие от игры в «догони палку», ни щенячий восторг от тёплого материнского молока.

Мир окрасился лиловым, фигуры людей в аэропорту превратились в переливающиеся сочные сгустки энергии. Бери сколько хочешь, пей её, лакай и получай невероятную силу. Нужно всего-то оглядеться вокруг, выбрать жертву и сосредоточить на ней всё внимание и...

Поводок натянулся, и ошейник врезался ему в шею. Азор вздрогнул и оглянулся на хозяйина.

– Не здесь, тупая псина, – прошипел человек, наматывая на руку поводок. – Не здесь.

Тонкие лиловые сосуды выступили у него на лице. Ноздри раздувались, в глазах светился какой-то чужой огонёк. Но Азор не опустил виновато морду, не поджал хвост: человеческое лицо, которое он видел, утратило для него всякий интерес. Глаза пса вновь остановились на полотне неба, набухающего лилово-серыми тучами. «Там, – понял пёс, – там теперь его Хозяин. Огромный, невидимый за пеленой облаков, но всемогущий и щедрый. Сделай то, о чём Он просит, возьми у жертв глоточек чистой энергии и отдай ему – он поделится с тобой, он научит, как поглощать поток ещё быстрее».

Все эти несчастные, обречённые люди, что спешат на свои рейсы и катят пахучие чемоданы на колёсиках, не догадываются о своём новом Хозяине, не видят и не замечают его. Он избрал из многоликой толпы самых достойных и поделился с ними своим даром Великого Охотника.

Азор, его бывший хозяин и толстяк в красной спортивной форме – всех их связывает одно: верность Небесному Вожаку. Он просит. Он жаждет. Он зовёт их, а они служат Ему, насыщаясь силой Его жертв.

Служить! Служить! Азора захлестнула волна эйфории. Чувствуя необыкновенный прилив сил, он дёрнулся, и кинолог не удержал в руках поводок.

Пёс сорвался с места и побежал, грубо расталкивая пассажиров, стремясь к самому центру многолюдного зала.

– Мам, собачка! – пискнул детский голосок.

– Что это с ним?

Рой недовольных, испуганных голосов за его спиной нарастал.

– Бешеная! – завопил высокий истеричный голос. – Она бешеная! А-а-а!

Толпа задрожала, всколыхнулась и сорвалась с места. Кто-то бросил чемоданы на пол, кто-то неуклюже, спотыкаясь, потащил их за собой. Кто-то попытался откатить к стене инвалидную коляску, кто-то схватил на руки ребёнка и закричал. По залу с чудовищной скоростью

металась лохматая овчарка, комок мускулов, шерсти и острых зубов, горящие глаза и вывалившийся язык.

Паника, начавшаяся в центре, не сразу охватила целый зал. Пассажиры, находившиеся на периферии, вяло прогуливались вдоль витрин, жались в очереди на досмотр багажа или просто позёвывали в кулак.

Невнятный слух, то ли о взбесившемся псе, то ли о взрывчатке, быстро расплзался по толпе. Игра в испорченный телефон, приобрела фантастические масштабы, а вместе с ней множился утробный первобытный страх.

– Вон он! Назад, назад!

Азор ворвался в самую гущу пассажиров, завертелся, будто пытался схватить зубами свой хвост, сел и завыл.

Такого воя не слышал ни один собачник, коих в толпе было немало. Пёс закинул назад голову, и из его пасти полилась какофония нестройных звуков. В них сочетался вой настроенных как попало струнных, гудение волынки, скрежет и щелчки.

Фёдор Сбруев, молодой полицейский, застыл у автомата со снеками, вытаращив глаза. Сегодня был его первый день работы в аэропорту. Он ещё не вполне отошёл от выпускных экзаменов, практики, и на его красном дипломе не было ни царапинки. Ещё сегодня утром ему казалось, он готов, полностью готов к самым необычным поворотам судьбы, ведь никто на его курсе не помнил инструкций по поведению в чрезвычайных ситуациях так хорошо, как он.

Но ему почему-то не вспомнилось ни одного ценного указания, в котором говорилось бы, как сотрудник полиции должен действовать, если служебная собака взбесилась, убежала от инструктора и мечется посреди главного зала аэропорта.

Федя потянулся к кобуре, и его рука остановилась на полпути. В таком скоплении народа ему нельзя применять боевое оружие! Или можно, если опасность велика? Но разве опасность велика? Пёс ведь ещё ни на кого не набросился? А если набросится?

Ладонь полицейского танцевала, жила своей жизнью: то сжималась на рукояти пистолета, то снова разжималась. Губы Феда беззвучно двигались.

Пронзительный детский плач вывел молодого полицейского из оцепенения.

Конечно, нужно стрелять. Делать нечего. Животное опасно, оно может разносить заразу.

Да-да! Нужно действовать! Федя много раз читал о таких экстремальных случаях в газете «Моя полиция»: в супермаркете, банке или на вокзале какой-нибудь злоумышленник или просто сумасшедший врывается в помещение и пытается навредить мирным гражданам. И тут появляется он – человек действующий, человек решительный. Он-то и оказывается в нужный момент в нужном месте и обламывает планы преступника.

Рассуждая так, Сбруев выученным движением расстегнул кобуру и достал оружие. Стрелять в упор, стрелять на поражение, чтобы не задеть пассажиров.

Он шагал вперёд на деревянных ногах. Люди, бегущие навстречу, разевали перекошенные рты, грубо толкали его плечами. Другие, как замороженные, усталились на пса, который вдруг остановился и сел на пол.

– Сейчас, сейчас, – вслух повторял Федя, пытаясь унять дрожь в руке с пистолетом.

Буро-чёрная фигура овчарки то появлялась, то исчезала за раскачивающимися спинами.

– Всем назад! Разойтись! – заорал он командным голосом, каким поднимал по утрам однокурсников на учениях.

Его никто не послушался. В просветах между столпившимися пассажирами он разглядел собачье ухо и лапу.

Неужели придётся стрелять? Прямо в голову? Это же собака! Господи!

У Феда дома жил золотистый ретривер. Умный, послушный пёс, любитель игр и весёлой возни, лучший друг, партнёр по пробежкам, добрый божок его шестилетней племянницы. А

как он будит его по утрам, как ловко на лету ловит мячик... Правда, последнюю неделю спит в ванной, но... Не думай об этом! Не сейчас, не сейчас!

Щёлкнул предохранитель. Только бы не сдрейфить...

– Дорогу!

Полицейский протолкнулся вперёд и только теперь увидел то, на что с таким тупым упорством глядела толпа: крупную немецкую овчарку с неестественно выгнутой шеей и запрокинутой головой, раскрытую пасть, полную острых зубов, вывалившийся набок языка.

Но больше всего Федю поразили глаза пса, они светились каким-то чужим, неземным светом – то ли лиловым, то ли фиолетовым.

Его рука с пистолетом так и не поднялась. Голова закружилась, перед глазами заплясали красные пятна. Похмельная вялость разлилась по телу. Разом потух геройский порыв: не хотелось бороться, не хотелось никуда бежать.

Сбруев широко и сладко зевнул, испуганно приложил ко рту ладонь.

– Кто-нибудь скажет мне, что здесь... – пробормотал он и не договорил. Тяжёлая рука легла ему на плечо.

Красное. Красное и большое стояло рядом с ним.

– Не волнуйся, – сказала оно нагловатым баском, – ни о чём не волнуйся и спи.

Феде показалось, что рука, лежащая у него на плече, вовсе и не рука, а большая голодная пиявка. Она пила из него то ли кровь, то ли силу, выкачивала топливо, в котором так нуждалось его тело.

Молодой полицейский хотел было возразить, но даже пошевелить языком ему уже было лень. Он упал, чувствуя себя лёгким, почти прозрачным, и глаза его бездумно уставились на растопыренные собачьи лапы.

В опустевшем зале аэропорта стало тихо. Последний раз прозвучал надрывный сонный голос: «Уважаемые пассажиры, сохраняйте спокойствие. Сотрудники безопасности обязательно позаботятся о вас...» – закашлялся и смолк.

С двух концов к центру зала двинулись две мужские фигуры. Один – усатый невысокий тип в кепке цвета хаки и камуфляжной форме кинолога. Другой – красный гигант в бейсболке.

Азор лежал на полу, положив на лапы голову и прижав уши, и водил глазами от одного человека к другому.

– Жаль, – произнёс гигант, когда расстояние между ним и кинологом сократилось до десяти шагов. – Пёсик перестарался. Разогнал весь аэропорт. Где нам теперь заряжать батарейки?

Инструктор сплюнул.

– Не весь. Верхние этажи остались. Нам хватит надолго.

– А ему? – гигант посмотрел на небо.

– И ему. Так даже лучше. Всё равно чему быть, того не миновать.

– А если пригонят сюда спецназ, военных? После такой-то бучи?

– Никого они не пригонят, – кинолог сунул большие пальцы под ремень. – С этого дня каждый сам по себе, на большее силёнок не хватит. Понимаешь, о чём я?

Толстяк кивнул, снял бейсболку, вытер взмокший лоб.

– Значит, началось? – спросил он после недолгого молчания.

– Для кого-то началось, для кого-то закончилось.

Кинолог нервно огляделся, снова сплюнул на пол и попал на сброшенный кем-то в панике парик.

– Поедем в город, посмотрим, что там? – спросил гигант.

– Не вижу смысла, – хмыкнул усатый. – Мы можем понадобится тут.

– Тут? Скажи-ка, что ты собираешься делать со своим псом, чувак?

Азор поднял голову, наострил уши.

Мужчины зашагали к нему, и пёс зарычал.

– Не узнаю его, – нахмурился инструктор, останавливаясь. – Как будто одичал.

– А себя ты узнаёшь? – ухмыльнулся красный. – Кто раз услышит эту сладенькую песню, тот становится сам не свой. Раз пса выбрало небо, кончать его нельзя. Может понадобится.

– Как же нам с ним управиться?

– Ха! Я думал, ты у нас спец по собакам, чувак!

– А ты у нас спец по чему? – огрызнулся кинолог.

– Я МС Бескрайний, чувак. Слышал обо мне?

– А почему я должен был о тебе слышать?

– Потому что я самый известный МС от Северо-Запада до Владика. Я проводил рэп-батлы в ста пятидесяти городах, меня знает весь нынешний молодняк, папаша.

Толстяк замахал руками и с ходу зачитал:

Костюм цвета хаки, морда как у питбуля,

Чё, не нравлюсь я тебе, браток-дедуля?

Давай иди, отожги вприсядку на танцполе,

Только не жди, что я включу тебе «Русское поле»...

Лицо кинолога скривилось, как будто он разжевал незрелую хурму.

– Я бы похлопал, но пусть это лучше делает нынешний молодняк.

– Да у меня миллион четыреста подписчиков в соцсетях, чувак! Полные залы, куда бы я ни приехал!

– Полные залы? – ухмыльнулся Боярчук. – Неужели? Особенно в последнее время...

Лицо красного гиганта мигом потускнело, он нервно моргнул, принялся грызть ноготь на большом пальце, как маленький мальчик.

– Я не первый день работаю в аэропорту, чувак, – передразнил кинолог МС Бескрайнего. – Поэтому не вешай мне лапшу. Последние пару месяцев рейсы отменяют всё чаще, а пассажиропоток стал вдвое меньше. То скопление людей, которое мы наблюдали сегодня, – прорвавшаяся плотина, последняя возможность убежать от усталости в тёплые страны. А ты ведь знаешь, что там никто не найдёт утешения. Знаешь?

Рэпер молча кивнул.

– Тогда, скажи на милость, какого хрена люди, которые еле сводят концы с концами, пойдут на твой идиотский концерт?

Голос МС задрожал:

– Сначала они шли целыми толпами, чтобы отдохнуть в клубе, переключиться, забыть о траблах. Конечно, многие напивались до отрубца, но я думал, ничего, пусть ребята отрываю-ются. А потом зрителей как ветром сдуло. Они просто перестали приходить на концерты. Я разорился на гастролях, ездил из города в город, а меня даже не встречали в аэропортах...

– Да хватит уже ныть, – оборвал его кинолог. – Понятно же, что ни твоя, ни моя прошлая жизнь ничего не стоят по сравнению с тем, что для нас готовится теперь.

– И что же готовится? – толстяк снова принялся кусать свой ноготь.

– Новый мир – вот что. В котором такие, как ты да я, – во главе упряжки.

Он окинул угрюмым взглядом лежащего пса, раскиданные на полу вещи, похлопал себя по нагрудному карману. Достал помятую пачку сигарет, выудил одну.

– Будешь?

– Я... бросил недавно.

– Бросил? – кинолог хохотнул, чиркнул зажигалкой и, затянувшись, выпустил облачко дыма.

– Какое удовольствие – курить прямо в главном зале аэропорта. Никто тебе не запретит. Никто не скажет: вы нарушаете наши права!

Он скривился, посмотрел на сигарету в своей руке как на что-то чужое.

– Правда, скажу тебе честно. Я совсем потерял вкус к куреву. Как ты там сказал? Кто раз услышит эту сладенькую песню, тот становится сам не свой. Всё верно. Значит, ты тоже слышал эту небесную музыку и ловил самый убойный на свете кайф? Значит, видел лиловые грёзы наяву, чуток будущего, чуток настоящего?

Рэпер кивнул.

– В курсе, сколько нас?

– Нет. Знаю только, что мы вроде проводников, посредников. Между ними, – он кивнул в сторону лежащего неподалёку от Азора тела в полицейской форме, – и тем, что находится на небе.

– Тем, что находится на небе... – рассеянно повторил кинолог, ступая на зажжённую сигарету носком ботинка-берца. – Знаешь, что между нами за связь? Мы, что ручки, которые впадают в небесное озеро. Мы кормим его, а оно – нас.

– Знаю, только...

– Только что?

– Что будет, если оно исчезнет, рассеется так же внезапно, как появилось? Ты думал об этом, чувак?

Кинолог нервно поправил тесный воротничок на куртке.

– Думал. И сейчас думаю. План у меня один – веселиться, пока можно. Миру и так конец. А нас *он* выбрал. Именно нас. Одарил своей силой... – Он с сомнением посмотрел на МС Бескрайнего. – На наш век хватит. Понял?

Красный гигант набычился:

– На какое-то время хватит. Но пассажиры и сейчас уже на последнем издыхании, а как только большая часть их уснёт, нам придётся искать новых. Вот я и говорю, не поехать ли в город?

Семён Боярчук, посмотрев на небо за прозрачными стёклами, как будто ждал, что оттуда посыплются молнии, произнёс сдавленным голосом:

– Нельзя. Оно сказала мне ждать здесь.

– Оно... с тобой говорило?

Кинолог затравленно огляделся. Его глаза вдруг закатились и окрасились лиловым, лицо побледнело, щёки втянулись, и он заговорил чужим тоненьким голоском:

– *Играть не хотят. Не пробиться. В мозг. Спать не хотят. Делиться не будут...*

Красный гигант отступил на шаг:

– Что ты несёшь?

– *Другие. Есть другие. Они могут помешать. Ик! Не давать поиграть. Не давать!*

– Какие ещё другие? – почти вскрикнул рэпер.

Лицо кинолога жило своей жизнью. Он то морщился, то вскидывал руки. Азор вскочил на лапы и звонко залаял. Высокий голосок из глотки Семёна Боярчука запищал с новой силой:

– *Другие не отдают силу. Не делятся с небом. Ик! Не делятся с посредниками. Жалкие. Противные. Не хотят играть. Нужно сторожить! Ик! Нужно смотреть за ними!*

Кинолог покачнулся, и рэперу пришлось удержать его за плечи, чтобы тот не рухнул на пол.

– Что, что? – инструктор удивлённо заморгал, его глаза снова стали бесцветными, серыми. Он отстранился от объёмного живота гиганта.

– Ты был в трансе, чувак! – восхитился МС Бескрайний. – Прямо как в ужастиках: закатил глаза – и давай вещать.

Кинолог посмотрел на Азора, который уже не лаял, только утробно рычал.

– И что я говорил?

– Какую-то чушь, если честно. Про каких-то «других» и про то, что за ними нужно следить.

– Ясно, всё ясно.

Рэпер поморщился.

– Ясно? А по-моему, ни черта!

Семён Боярчук, или кем он там был, усмехнулся, разгладил пальцем жиденькие усы.

– У нас будут гости. Нужно всё подготовить.

– А что делать с псом?

– Оставить в покое. Пусть наблюдает и учится.

И Азор впервые за шесть лет службы остался один в опустевшем главном зале, где он никогда не появлялся без поводка и не позволял себе без команды отойти на шаг от хозяина.

Когда двое мужчин, с которыми его теперь связывали невидимые нити, ушли, Азор наклонил голову и поднял уши. Полицейский, лежащий рядом с брошенными чемоданами, ещё слабо дышал. Его глаза были закрыты, обмякшее тело не двигалось.

Прежде Азор подошёл бы и лизнул упавшего человека в лицо, чтобы тот пришёл в себя, проснулся, но теперь всё изменилось. По нервам человека бежала чистая прохладная энергия, пёс ощущал это, как зверь, ищущий в жаркий полдень родник. И жажда, которую он теперь чувствовал, не могла утолить ни свежая вода, ни ласки хозяина.

Азор втянул ноздрями запах лежащего человека, коснулся ноги влажным кончиком носа. Из него уже пили – источник был наполовину пуст. Но в нём ещё оставалось достаточно, чтобы унять жажду.

Не замечая, как облизывается и поскуливает, не видя, как под шерстью вспыхивают лиловым кровеносные сосуды, пёс начал пить эту чудесную живую энергию.

Азор – верный сторожевой пёс, встречавший звонким лаем звук шагов хозяина, скрежет ключей в замке вольера, лизавший его волосатые пальцы, готовый умереть за него и за его друзей, тайком, прижав уши, как вор, лакал человеческую силу – самые сладкие, самые вкусные остатки жизни, спрятанные под оболочкой. Его собачий ум ещё терзала совесть, горячий стыд домашнего питомца, но с каждым глотком прошлое всё плотнее затягивалось мглой и всё сильнее становилась жажда...

Он поднялся на дрожащие лапы, глотая слюну, которая обильно текла изо рта. Он покосился на серую мумию в полицейской форме, поднял брови домиком. Его тело переполняла сила, оно вибрировало от избытка энергии, мускулы вздулись, требуя немедленной работы. Азор разбежался и прыгнул. Если бы перед ним стоял человек, пёс с лёгкостью пролетел бы у того над головой. Лапы забарабанили по гладкому полу. Азор бежал, высунув болтающийся язык, бежал так быстро, как не бегал никогда. Когти оставляли царапинки на панелях, когда он пытался затормозить на поворотах.

Но ошалелый бег не принёс облегчения. Всё тело зудело, трещало от наполнявшей его силы. Пёс побрёл к эскалатору, и уже у самых ступеней с ним случилось то же, что и в зале: он запрокинул голову и завыл десятками голосов, отдавая небу избыток энергии.

Следующие несколько дней Азор помнил смутно. Он провёл их, бесцельно шатаясь по главному залу и обнюхивая брошенные сбежавшими пассажирами чемоданы и сумки. Пёс не пил и не ел. Ему больше не хотелось играть или бегать.

8. Ловушка

На третий день Азор вспомнил о двух мужчинах, которые были такими же охотниками, как и он. В его потухшем сознании родилась мысль о том, что они могут поделиться с ним той чудесной сладкой силой, текущей в человеческом теле. Той, которую стоит попробовать только раз – не сможешь отказать никогда.

Повинуясь едва тлеющему инстинкту, он побрёл наверх, к терминалам. Эскалатор к тому времени уже остановился, но, даже если бы он работал, Азор вряд ли бы обратил на это внимание.

– Гляди-ка, пёсик вернулся, – воскликнул красный гигант, когда овчарка, постукивая когтями по полу, появилась из коридора и села в отдалении.

– Значит, уже скоро, – ответил тот, кого пёс раньше считал хозяином.

Эти двое сильно изменились за последние несколько дней. На их лицах чётче проступили лиловые сосуды, глаза стали какими-то мутными. У бывшего тренера Азора почти выпали волосы. Но люди выглядели вполне довольными, даже радостными. По всей видимости, недостаток в энергетическом нектаре у них не было и они даже пользовались им чуть чаще, чем следовало.

И правда, когда Азор попал наверх, там нашёл ещё один зал ожидания, на этот раз полный пассажиров. Все они крепко спали, и только некоторые из них вечным сном. Посредники пользовались спящими как сосудами, полными живительной влаги, словно пчёлы, у которых всегда есть возможность вернуться в улей и отведать ещё немного мёда.

По возбуждённым голосам мужчин и их порывистым движениям Азор понял, что они готовятся к какому-то важному событию, вроде загонной охоты. Только охота эта будет не настоящей погоней с клаянием зубов, борьбой и кровью.

Посредники готовили для гостей ловушку, засаду. Азор бродил за ними мрачной тенью и держался на расстоянии. Он не мог видеть всего, что делали мужчины, но заметил, что они стали ходить только к пятому терминалу. Входы в остальные они зачем-то заперли. Центральный вход в аэропорт был открыт. Но за всё время, пока Азор жил в своём новом просторном доме (это тебе не тесный вольер), никто не вошёл в здание со стороны улицы, как будто людям разом расхотелось летать в другие страны. Чуткий слух пса, хоть и притуплённый от головокружений и головных болей, в последнее время не слышал ни шума мотора подъезжающих такси, ни рёва взлетающих самолётов.

Зато из-за дверей пятого терминала часто слышался гул работающего автопогрузчика и грохот металла. Посредники что-то соорудили. Может, очередную ловушку? Люди любят и умеют использовать предметы в качестве ловушек – это Азор знал, как никто другой.

Однако посредники не задержались на лётном поле надолго, большую часть времени они чего-то ждали, блуждая по полупустым коридорам аэропорта и время от времени переговариваясь.

К вечеру Азор заметил, что его бывший тренер стал всё чаще срывать на своём напарнике. А однажды сорвал свою злость на автомате с кофе, разбив его стальной ограничительной стойкой.

Красный гигант тоже ходил угрюмый и поглядывал в широкие окна на лётное поле.

– Они должны были приземлиться! – бушевал кинолог. – Хотя бы один! Половина из них застряла в воздухе. Топливо должно было выйти! Не может быть, чтобы, пролетая над таким большим городом, они не воспользовались аэродромом.

– А что, если кто-то посылает сигналы снижающимся самолётам, чувак?

– Откуда?

– Из диспетчерской, – отвечал рэпер. – Просто предупреждает их о том, что их здесь ждёт.

– Думаешь, я идиот? – кипятился Боярчук. – Да я первым делом проверил диспетчерскую! Там живых не осталось.

Гигант снял с головы красную бейсболку, почесал бритый затылок и вдруг выпучил глаза.

– Камеры наблюдения! Да в аэропорте их полно! Мы просто отмотаем назад и найдём его.

Они бросились в центральный пункт охраны, где в последний раз Азор видел двух своих всегдашних приятелей, сидящих у мониторов. Входя вслед за людьми в тесную комнатку, псу почудилось, что сейчас его прошлая жизнь вернётся и снова пойдёт по кругу: от вольера к чемоданам, от чемоданов к тренировкам и снова к вольеру. Может, в прошлом было не так уж плохо?

Из раскуроченного пульта торчали срезанные провода. Мониторы чужак не разбил, потому что это наделало бы слишком много шума, но повредил их достаточно умело и изящно, чтобы они больше никогда не включились.

– Падла, – дрожал от гнева Боярчук. – Поймаю и убью.

– Он обгоняет нас на шаг, – пробормотал МС.

Азор ткнулся носом в пустое кресло старшего охранника, пахнущее застарелым потом, салом и плохим одеколоном. Какие-то смутные воспоминания завертелись у него в голове. Чьи-то руки, по-дружески трепавшие его шкуру, чесавшие за ухом, чей-то голос, приговаривавший: «Нравится, лохматый-патлатый? Хорошо тебе?» Воспоминания вспыхнули и тут же погасли. Жажда усиливалась.

Азор наконец понял, что задумали люди. Однажды, когда он жил в вольере, паук сплёл в углу паутину и ловил туда мух и мотыльков.

Теперь они – два человека и собака – пауки, ловкие и хитрые охотники. Почему же в паутине нет мух?

Запас источников энергии в аэропорту сокращался. Спящие люди, лежащие на скамейках и на полу, всё чаще умирали, тихо, без стонов. Они уносили с собой последние остатки живой силы, их источники гасли, и нередко посредникам приходилось забирать из них всё до последней капли, превращая в сухих мумий.

Жажда Азора усиливалась, но без ежедневной дозы «энергетика» к нему стал возвращаться острый нюх.

Красный гигант был прав: в аэропорту находился кто-то ещё. Ночью пёс слышал чьи-то тихие шаги. Однако чужак был так далеко, что Азор принял эти звуки за шуршание падающего на стеклянный потолок снега.

Утром Азору почти удалось обнаружить врага посредников, но его ждал неприятный сюрприз. Пёс взял след по тонкому аромату духов и долго петлял по коридорам, пока не понял, что духи разбрызганы по стенам и полу специально, чтобы сбить его с толку. Тогда он выкристаллизовал из воздуха новый запах – едва уловимый сладкий аромат волос и кожи. Пёс пошёл по нему, заметил вдалеке метнувшуюся к пожарной лестнице тень, залаял, подбежал к захлопнувшейся двери и поскрёб лапой. На шум прибежали мужчины.

– Кого ты тут нашёл пёсик? – спросил гигант, нажимая на дверную ручку.

Пёс бросился вперёд, в щель, увидел брошенную на ступенях белую перчатку, кинулся к ней, ткнулся мордой и... чихнул. Из глаз брызнули слёзы. Азор попятился назад, заскулил, снова чихнул.

Кинолог и рэпер, вошедшие следом, закашлялись, согнулись пополам. Вся троица ломанулась обратно за дверь, туда, где раздражающая слизистые перцовая пыль не свербит в глотках.

– Убью падлу! – сипел Боярчук, вытирая рукавом бегущие из красных глаз слёзы. – Убью, кто бы он ни был!

– Я же говорил, что мы здесь не одни, – гигант задыхался и держался за грудь. – Уф!

Он внезапно расхохотался, а потом надсадно раскашлялся.

– Что ты ржёшь? – прошипел Боярчук.

– Так хитро придумано. Распылить перцовый баллончик в крохотном помещении. Остановить двух здоровых мужиков и оставить обрызганный перцем подарочек для кобеля, чтобы на пару часов лишить пса нюха и смыться.

– Что, что он там оставил? – заорал кинолог, тараша на МС свои воспалённые глаза.

– Не он, а она. Там лежала белая перчатка с её руки, – рэпер снова расхохотался, вытер сопливый нос.

– Баба? Это была баба?

– Причём убойная! Умная, дерзкая. Обожаю таких. Ух, что будет, если она мне попадётся! – И МС оттянул штаны между ног.

– Да ты её даже не видел, – скривился инструктор.

– Неважно. Она несколько дней водила нас за нос. Сумела даже его обдурить... – Он ткнул пальцем в сторону немецкой овчарки.

Азор лежал на животе и иступлённо тёр лапами свербевающий нос.

Кинолог прочистил горло и сплюнул.

– А по мне, так она стерва. Поганая дрянь, которая сорвала наши планы. Если она действительно пробиралась в диспетчерскую и предупреждала снижающиеся самолёты о том, что мы их поджидаем, то это был её последний выход.

– Только не убивай её сразу, – попросил красный гигант. – Я соскучился по женскому теплу.

– Сразу она не умрёт, – сглотнул Боярчук, и Азору не понравилось, как он улыбнулся. – Будь спокоен, донжуан.

Они искали её до вечера, но аэропорт был настолько велик, что поиски могли затянуться ещё на неделю. К тому же никому из них не хотелось найти новый сюрприз от таинственной незнакомки. А на обоняние пса в этот день никто не рассчитывал.

Однако кое-что Азору всё-таки удалось найти. Рядом с камерами хранения, в закутке, они нашли что-то вроде временного убежища беглянки. Измятое одеяло, полупустую бутылку воды, порванные упаковки из-под шоколада.

– Да наша девочка – сладкоежка, – промурлыкал МС. – С каждым часом влюбляюсь в неё всё сильнее.

Он хотел сочинить какой-нибудь непристойный рэпчик про шоколадный батончик, но у его напарника, похоже, настроение и так было ни к чёрту.

Азор видел, что тренер наклонился, откинул в сторону одеяло и поднял с земли какую-то бумажку.

Всю первую половину следующего дня кинолог провёл в диспетчерской вышке. Красный великан бродил по пустому аэропорту и страдал от скуки. В нижнем зале он наткнулся на мумию полицейского, взял дубинку и пистолет, вернулся наверх. Пёс мрачной тенью следовал за ним, его нос уже перестал свербеть от перца, но острый нюх ещё не восстановился.

Боярчук вернулся довольный, растянулся на сиденьях и закрыл глаза:

– Теперь всё. Теперь она наша.

Когда стемнело, мужчины взяли пса и спрятались неподалёку от диспетчерской вышки в оставленном на лётном поле автобусе.

– Не понимаю, – проворчал через пять минут МС Бескрайний, чувствуя, как от холода начинают неметь кончики пальцев на ногах. – Почему мы не можем просто подождать её внутри башни?

– Хочешь, чтобы эта дрянь пустила тебе в лицо струю из перцового баллончика? Валяй. Только вот это не забудь.

Боярчук бросил ему на колени обломанный ключ.

– Кончик остался в замочной скважине главной двери.

– Но зачем?

– Хочу увидеть, как вытянется её харя, – ответил кинолог, таращась в тёмные окна пустыми рыбьими глазами.

– А пожарная лестница? – возразил МС. Он щурился и едва различал в темноте главный вход в вышку – серебристую дверь, освещённую одним-единственным уличным фонарём под козырьком.

Кинолог хитро посмотрел на него:

– Лезть зимой по скользкой лестнице, на такой высоте? Что ты! Ни одна баба на это не пойдёт.

Рэпер расхохотался.

– Пойдёт. Я уверен. Она не из пугливых.

– На то и расчёт. Пусть эта стерва и дальше думает, что она самая умная. Пожарный вход я запер изнутри. Даже если у неё есть ключи, что вряд ли, она его не откроет. Пусть заберётся туда, если охота, а мы просто подождём внизу, пока она не окоченеет на лестнице от холода или не запросится на ручки. Есть, правда, и другой вариант – прыгнуть вниз на лёд с тридцати метров.

МС поморщился:

– А если нам самим потребуется зайти в вышку, чувак?

– Зачем это?

– Ну, типа чтоб послать сообщения другим самолётам, что садиться можно. Заманить их.

– Я отрубил все сигналы. Пусть лучше думают, что аэропорт пуст. Авиадиспетчер координирует работу воздушных судов. Ты видишь хотя бы один самолёт, который собирается взлететь или сесть? Пилот обойдётся и без диспетчера, он найдёт свободную полосу. К тому же ни ты, ни я толком не знаем, как работают приборы. А вот она, похоже, в этом кое-как разбирается. Я посмотрел данные. Насколько понял, ей удалось отклонить с десятков посадок. Для этого она проникла в вышку только раз и настроила подачу автоматического сигнала всем снижающимся самолётам. Я почти уверен, что она сотрудница аэропорта или как-то связана с полётами. Это объясняет, почему она так хорошо ориентируется здесь и водит нас за нос.

Со стороны аэродрома задул холодный снежный ветер. Белая крупа врезалась в заиндевевшие стёкла, но ни один из мужчин не пошевелился. Не встал, не завёл мотор, не включил отопление и свет.

– А если не появится? – прошептал рэпер. – Или не захочет лезть наверх по этой лестнице?

– Появится, – ухмыльнулся кинолог. – Обязательно. И полезет как миленькая. У неё есть стимул. Она давно уже могла сбежать из аэропорта. В путь! Главные ворота были открыты, но она почему-то сидела тут. Думаешь, геройствовала? Спасала экипажи? Есть причина поважнее.

С этими словами он извлёк из кармана куртки мятую фотографию, три на четыре сантиметра. МС взял её своими распухшими пальцами и поднёс к самому носу. С фото на него смотрел красавец-мужчина лет сорока в парадной форме пилота. Зачёсанные набок волосы, офицерская складка между бровей, прямой и решительный взгляд.

– Я нашёл это под одеялом, на котором она спала. Видишь, пупсик, ей нравятся совсем другие мужчины. Стройные и в форме.

– Всё равно будет моей, – обиженно, как ребёнок, проговорил красный гигант. – Законов больше нет. Кто мне теперь запретит?

– Никто, – покачал головой Боярчук, забирая фото и пряча его в карман. – Только он, её парень, или муж, не знаю, кем он там ей приходится.

– Но его же здесь нет, – рассмеялся МС. – Что за бред?

– Он должен прилететь сегодня, дубина, – кинолог развалился в кресле. – Неужели не ясно? Она ждала его все эти дни, но не знала, когда он точно вернётся. Не исключено, что его немного задержали обстоятельства, например всеобщая летаргия.

– С чего ты взял?

– Думаешь, почему я провёл полдня в диспетчерской? Пытался во всём разобраться и отключить её чёртов сигнал. И тут голос по рации. Он, наверное, решил, что запись новая, а может, просто узнал её голос. Сразу слил всю информацию, хотя я ему даже не отвечал. Сказал, что должен заправиться в Москве, потому что топливо на исходе, и это займёт у него много времени, но утром он уже будет здесь, в Петербурге, рядом с ней. Этот пилот – упёртый парень, скажу я тебе. Все разворачивались, когда получали её сигнал об опасности. А он начал задавать вопросы, засуетился и не послушался её.

– Про парня я понял, – МС подышал на озябшие пальцы, растёр ладони. – Но если она не получала ответный сигнал, зачем ей рисковать и идти сюда?

– Потому что я был здесь, и она это видела. Сегодня с вышки я видел, как что-то поблёскивает на верхних этажах, вроде как стёкла бинокля. Она знает, что я отключил сигнал, и попробует его снова включить.

Боярчук лениво повернулся.

– Эй ты!

Азор поднял голову. Всё это время он тихо лежал в проходе, прислушиваясь к звукам метели за окнами.

– Не смей лаять раньше времени. Но дай мне знать, когда услышишь её шаги.

Пёс облизнулся и положил голову на лапы. Он понял человека, хотя тот даже не дал ему никакой привычной команды. Чем больше времени Азор проводил с посредниками, тем сильнее становилась связь между ними – совместное чутьё охотников и ожидание свежей, нетронутой жертвы.

Жажда Азора стала почти нестерпимой. Теперь ему казалось, что он чувствует присутствие женщины в здании даже на расстоянии. От неё исходили волны живой энергии. Она была свежим источником и отличалась от тех полусонных исхудавших тел, что покоились в зале ожидания.

– Почему она не спит, как остальные? – тихо спросил гигант, вытягивая ноги и устраиваясь поудобнее на автобусных сиденьях. – Почему усталость её не берёт?

– Потому что она одна из тех долгожданных гостей, о которых нас предупреждало небо, – проговорил кинолог, ласково поглаживая резиновую дубинку, найденную у трупа полицейского. – Одна из неспящих. Только мы наивно думали, что гости пожалуют к нам через главный вход или пятый терминал.

– Откуда она взялась? Ты же проверял диспетчерскую башню. Мы каждый день делали обходы.

– Она могла находиться в той толпе, что разогнал Азор, или спуститься прямо с борта какого-нибудь самолёта. Да мало ли вариантов? Мы понадеялись на то, что, кроме нас, в аэропорту все уснули или лежат без сил. И тут она со своей диверсией...

Азор резко поднял голову, коротко и отрывисто тьякнул.

– Я же сказал тебе не...

Кинолог не договорил, обернулся, в его глазах загорелись два рыжих огонька. Красный гигант тоже обернулся и уставился в темноту. С противоположной стороны вышки, там, где в темноте тонуло завьюженное лётное поле, куда прежде и смотреть-то не хотелось (такая скука), именно оттуда летел, приближался, мчался в их сторону шар огня.

И прежде, чем Боярчук успел договорить фразу, шар врезался в окно и с треском раскололся. Стекло ухнуло и, как показалось рэперу, выгнулось, но не разбилось. Пламя расплозлось по поверхности окна, вьелось в обшивку, хищно засверкало золотыми отблесками.

– Что это за...

Он не договорил, потому что в темноте вспыхнул ещё один огонёк. Азор теперь не просто тявкал, он иступлённо лаял.

– Наружу! – заорал кинолог. – Быстро!

Великан проявил такую прыть, что оказался у пассажирских дверей раньше всех.

– Не туда! Они заперты. Кабина!

«Точно, – успел подумать МС Бескрайний, – ведь мы не завели мотор, а двери автоматические».

Подумал – и машинально закрыл голову руками.

Второй снаряд расколол треснувшее стекло на тысячи крохотных кусочков, врезался в поручень и разлетелся огненными брызгами в стороны. Вспыхнули сиденья в салоне, запахло палёной шерстью, и что-то тёплое заструилось у красного гиганта по руке.

Кинолог уже возился с дверцей кабины, бешено жал на ручку, толкал плечом. Но она то ли приморозилась, то ли её просто заклинило. Салон быстро наполнялся удушливым дымом.

МС пробрался к кабине. Кашляя и матерясь, отодвинул в сторону непутёвого Боярчука и, ухнув, навалился на дверь. Она скрипнула и резко распахнулась. Оба тяжело рухнули в снег.

– Горишь! – визгливо заорал кинолог и отпихнул от себя рэпера. Тот обернулся, увидел полыхающий рукав куртки. Это стоило ему бровей и обожжённой щеки. Он попытался снять куртку, но молнию заклинило.

Из кабины выскочил Азор. Его шерсть тлела, и пёс начал валяться по снегу.

Красный гигант заплакал, как маленький ребёнок, когда почувствовал, что огонь уже спалил толстовку под курткой и теперь на его голове начинают заниматься волосы.

– На землю! – вопил Боярчук. – Катайся по земле.

МС Бескрайний упал и катался, похожий на большой снежный ком, пока огонь не погас.

9. Беглянка

Алиса Селезнёва, лучшая выпускница авиационной школы «Аэрофлота», опытная бортпроводница и пловчиха, завоевавшая в сентябре 2021 года на ежегодных соревнованиях сотрудников аэрокомпаний золотую медаль, размахнулась и швырнула коктейль Молотова с пылающей тряпкой в пассажирский автобус.

Может, ещё неделю назад Алиса бы засомневалась – всё-таки она портит чужую собственность, рискует убить или покалечить людей, – но события последних дней подтвердили только одну истину: хочешь выжить – бейся.

Когда вторая бутылка вдребезги разбила окно и внутри салона расцвёл огненный цветок, Алиса коротко всхлипнула и вытерла щёку, по которой сбежала тёплая слеза.

Нет, её не кольнула совесть, ей не завладела жалость, Алиса Селезнёва плакала, потому что вспомнила слова отца: «Нельзя научиться бесполезному. Пригодится всё».

Он – её пример, её косолапый ворчун и её вечный защитник, – как всегда, оказался прав. Алисе пригодилось всё, чему она когда-либо училась. Начиная с навыков метания гранаты на уроках физкультуры и трёхочкового броска мяча в баскетбольное кольцо и заканчивая ориентированием на местности и всем тем, чему обучали на курсах бортпроводников: открытием дверей и люков, действиями при задымлениях и пожарах, эвакуацией пассажиров на воду, выживанием вне самолёта.

Конечно, спасти кого-то на воде ей так и не пришлось, а пожар она устроила сама, но пункт «Выживание вне самолёта», безусловно, относился к её ситуации, как и странная формулировка, засевавшая в голове стюардессы: «Действия при иных угрозах».

Эти угрозы оказались настолько «иными», что ответов не нашлось ни в опыте пяти лет непрерывных полётов по миру, ни в острых историях инструкторов безопасности, некоторые из которых даже побывали на борту с вооружёнными террористами. В конце концов, кто мог предположить, что люди, как мухи с пришествием холодов, сложат лапки и откажутся от полётов? Некоторые из них даже устроятся спать прямо в зале ожидания. А другие, которых и людьми-то нельзя назвать, придут лакомиться спящими.

Полжизни Алиса шла, как будто в тумане, сомневаясь, а ту ли специальность она выбрала? Нужны ли ей столько часов физики и высшей математики в техническом институте? Нужен ли ей очередной разряд в спорте или очередной роман с каким-нибудь неординарным студентом или коллегой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.